

# МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

**КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА**

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт/факультет филологический  
Кафедра современного русского языка и методики  
Специальность 050301.65 Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

зав. кафедрой современного  
русского языка и методики

Н.Н. Бебриш

«\_\_» декабря 2014 г.

Выпускная квалификационная работа

**Нелитературная лексика в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»**

Выполнил студент группы \_\_\_\_\_  
(Номер группы)

А. А. Кутовенко \_\_\_\_\_  
(подпись, дата)

Форма обучения заочная

Научный руководитель  
к.ф.н., доцент кафедры современного  
русского языка и методики  
Т. П. Жильцова \_\_\_\_\_  
(подпись, дата)

Рецензент  
к.ф.н. доцент общего языкознания  
А.В. Кипчатова \_\_\_\_\_  
(подпись, дата)

Дата защиты 22.12.2014 г.

Оценка \_\_\_\_\_

Красноярск 2015

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Введение</b> .....	3
<b>1 глава. Индивидуальный языковой стиль прозы В. П. Астафьева</b> .....	8
<b>1.1</b> Языковой стиль романа «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева.....	8
<b>1.2</b> Особенность использования нелитературной лексики в романе «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева.....	11
<b>1.3</b> Экспрессия как основное качество нелитературной лексики в романе В. П. Астафьева "Прокляты и убиты" .....	17
<b>2 глава. Нелитературная лексика в романе «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева</b> .....	21
<b>2.1</b> Использование нелитературной лексики при создании портретных характеристик.....	21
<b>2.2</b> Использование нелитературной лексики при создании речевой характеристики героев романа.....	23
<b>2.3</b> Возможности использования художественного текста «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева при изучении нелитературной лексики в школе.....	35
<b>Заключение</b> .....	48
<b>Список используемой литературы</b> .....	52
<b>Приложение №1</b> .....	58
<b>Приложение №2</b> .....	60
<b>Приложение №3</b> .....	61
<b>Приложение №4</b> .....	62

## ВВЕДЕНИЕ

Анализ нелитературной словесной организации художественного текста – необходимое условие глубокого проникновения в идею произведения. Нелитературная лексика во многих художественных произведениях не просто употребляется, а используется писателем, чтобы создать целостный и особый мир.

В конце XX начале XXI века появилось особенно много художественных произведений, текст которых наполнен нелитературной лексикой. «Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что язык обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например, «мура», «буза», «волынить», «дать пять» и т. д. и т. п.», – писал Горький [11: 6]. Он полагал, что проникновение жаргонных слов и выражений в литературную речь совершенно неуместно, настойчиво призывал литераторов очищать язык от различного жаргонного «мусора».

В. В. Виноградов утверждал, что «язык художественной литературы со свойственной ему «установкой на выражение» имеет законное право на деформацию, на нарушение общелитературных языковых норм. В целях реалистического изображения жизни писатели включают в свои произведения нелитературные слова, формы слов и выражения, допускают оправданные контекстом отступления от норм литературного языка» [9: 3].

Отношение к подобной лексике среди русских лингвистов было неоднозначным. А. В. Калинин в своей книге «Лексика русского языка» пишет следующее: «Насыщая свою речь подобными словами (относящимися к сниженной лексике), мы делаем ее грубой, развязной, некультурной. Ведь все-таки это нелитературная лексика» [23:198].

Для наблюдения и исследования нелитературной лексики мы выбрали произведение Виктора Петровича Астафьева «Прокляты и убиты» (1992г.).

Для писателя–фронтовика, как и для всех участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, – это личное событие, исторический порог, положивший начало творческой биографии. В этом отношении существенно замечание И. Бродского, акцентирующего на то, что каждая социальная трагедия «есть, так или иначе, событие биографическое» [7: 47].

О языке прозы В. П. Астафьева написано немало литературоведческих и языковедческих работ. Так, О. Н. Емельянова, исследуя особенности языка произведений писателя, отмечает резко – контрастное сочетание в прозе Астафьева делового словаря с жаргонной лексикой.

Роман «Прокляты и убиты» суров, жесток и мрачен. Это горькая и тяжелая правда о страданиях солдат, жертв бессмысленной жестокости советской репрессивной системы. Автор посчитал необходимым назвать точное место действия первой книги романа, номера военных частей и военного округа, а также фамилии и имена людей, какие сохранила память, а также наиболее точно передать речь и манеру говорения героев.

«Астафьев – самобитный русский писатель, настойчивый правдолюбец. Из первых, кто чутко отозвался на нравственную порчу нашей жизни. Как никто испытал солдатскую тяжесть войны и поднял ее со дна», – напишет Александр Солженицын после выхода романа [51: 1].

Нахождение в условиях военных действий делает речь героев грубой, переполненной не литературными словами, а просторечными, диалектными и жаргонными. Этот слой лексики заинтересовал нас, так как это история нашего языка, нашего народа и наших предков. На наш взгляд, изучение нелитературного языка в художественном произведении – это способ приобщения нашего поколения к истории. Несмотря на то, что многие лингвисты относят эти элементы речи к «нелитературной лексике», мы считаем, что просторечия, диалекты, жаргонизмы – неотъемлемая часть жизни русского народа, следовательно, заслуживают изучения.

**Источник исследования** – роман «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева.

**Объектом** исследования в дипломной работе является язык романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты».

**Предметом** исследования является нелитературная лексика и ее функции в произведении В. П. Астафьева «Прокляты и убиты».

**Актуальность** данного исследования определяется:

**во-первых**, недостаточной изученностью романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» с точки зрения употребления нелитературной лексики;

**во-вторых**, более детальное исследование языка романа еще раз раскрывает нам писателя как признанного мастера слова, показывает его роль и место в истории литературы XX века;

**в-третьих**, изучение употребления нелитературной лексики в произведении имеет большое значение для понимания особенностей индивидуального стиля прозы о войне В. П. Астафьева;

**в-четвёртых**, актуальность романа «Прокляты и убиты» подтверждается значимым событием в русской культуре – присуждением в 2009 году В. П. Астафьеву в 85–ую годовщину со дня рождения премии А. И. Солженицына (посмертно). На церемонии звучали высказывания А. И. Солженицына, вошедшие в ранее неопубликованную часть «Литературной коллекции»: «Эта книга – во всяком случае, в русской литературе – уникальный случай, когда война описывается не офицером, не политруком, не прикомандированным писателем, – а простым пехотинцем, «черным работником войны», который, воюя, и не думал, что писателем станет. Через сколько миллионов убитых надо было выжить этому солдату, чтобы вот такое написать нам спустя полвека!.. и это течёт у Астафьева не как литературная претензия, но как изболелая память о натуральной жизни» [51: 1];

**В-пятых**, произведение сохраняет свою злободневность и сегодня, поскольку на нашей планете неспокойно: до сих пор не стихают военные конфликты, проливается человеческая кровь. И сегодняшнее поколение должно знать свое прошлое, свою историю, правду о войне, хотя В. П. Астафьев неоднократно подчеркивал, что « всю правду о войне знает только Бог, <...> правда эта неподъемна» [1: 10].

**Цель:** исследовать нелитературную лексику и ее функции в романе "Прокляты и убиты» В. П. Астафьева.

В связи с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи:**

1. Собрать языковой материал.
2. Систематизировать сведения об индивидуальном стиле писателя.
3. Доказать обоснованность употребления нелитературной лексики.
4. Объяснить и показать роль и место нелитературной лексики в романе.
5. Показать возможности использования художественного текста при изучении нелитературной лексики в школе.

В качестве гипотезы выступает предположение о том, что просторечные, жаргонные, диалектные слова, введенные в контекст художественного произведения, придают речи особый колорит, повышают ее выразительность и экспрессивность, а также служат для колоритного описания портретных характеристик.

**Методика и методология исследования.** Целью и задачами данной работы предопределено комплексное использование следующих методов: биографо–источниковедческого, метода сплошной выборки, лексикографического, описательного, контекстологического, приемы количественного подсчета, интерпретации.

Методологической основой выпускной квалификационной работы являются идеи В. В. Виноградова, В. Я. Курбатова о допустимости использования нелитературной лексики в художественных произведениях, Л. Г. Самогик о способах проявления народности языка В. П. Астафьева, Б. Я. Шарифуллина об экспрессивных явлениях в прозе В. П. Астафьева и О. Н. Емельяновой об использовании афористических жанров фольклора в творчестве писателя.

**Практическая значимость работы.** Материалы исследования могут быть использованы в вузовском образовательном процессе: в лекционных курсах по социолингвистике, по лексикологии, по истории русской литературы XX века, в спецкурсах и семинарах. Некоторые положения можно применять в школьном преподавании русской литературы и русского языка по углублённой программе (в гимназиях, лицеях, гуманитарных классах общеобразовательных школ).

**Теоретическая значимость** исследования заключается в том, чтобы доказать обоснованность употребления нелитературной лексики, а также ее роль в романе «Прокляты и убиты».

**Структура исследования.** Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и приложения, включающего словари нелитературной лексики.

## 1 ГЛАВА

### ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ СТИЛЬ ПРОЗЫ В. П. АСТАФЬЕВА

#### 1.1 Языковой стиль романа «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева

Произведение В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» стало привлекать внимание критиков с момента своего появления. Творчество писателя изучалось разными литературоведами и критиками, такими как А. Ланщикова, А. Н. Макаров, Н. Н. Яновский, С. Залыгин, Т. М. Вахитова, А. Ю. Большакова, С. В. Перевалова, В. Я. Курбатов, И. Золотусский, Л. Г. Самотик, Л. Г. Падерина, Б. Я. Шарифуллин, Н. Л. Лейдерман и многими другими, известно множество книг, статей и исследований, посвященных творчеству Виктора Астафьева. Многие из них рассматривали индивидуальный стиль писателя.

Н. Л. Лейдерман считает Виктора Астафьева писателем уникальным и своеобразным. По его словам, индивидуальность писателя заключается в его «сочности словесной фактуры – с лиризмом и гротеском, со смехом и слезами, баловством и истовой серьезностью» [32: 3].

Современные критики неоднократно противопоставляли язык В. П. Астафьева языку нормированному: «Язык Астафьева напрямую противопоставлен вылощённому, «безупречному» языку ревнителей школьной грамотности и академической гладкости», – писал Н. Н. Яновский в «Очерке творчества Астафьева В. П.» [60: 36].

А. Ланщикова в своей работе «Виктор Астафьев. Право на искренность» акцентирует внимание на правдивость и точность в описании событий и образов и говорит, что это только усиливает значимость романа «Прокляты и убиты». Он отмечает: «Нет нужды доказывать, что язык Астафьева не свободен от «шелухи», и далеко не все его словоупотребления пополняют золотой фонд нашего литературного языка, хотя должен отметить, что сам писатель от произведения к произведению становится сдержаннее и строже при отборе языкового

материала. И все–таки пока наш язык развивается, он будет иметь дело и с полновесным «зерном», и с «шелухой», а если нам вдруг и разом удастся удалить из родного языка всю «шелуху», то язык наш и в самом деле обретет некое совершенство и естественную в этом случае законченность. Но тогда он перестанет реагировать на изменения жизни, остановится в своем развитии. И спор тут идет не о словах, а о природе языка» [31: 82].

«Прозу Астафьева с ее живой не книжной речью и меняющимися интонациями любители дистиллированного стиля и строгих форм могут упрекать в «мужицкой холщовости» языка и еще больше в том, что при склонности писателя к лирической публицистике в его вещах возникает чересполосица. Только в таком смешении особенность прозы Астафьева, более того, его главная сила», – пишет Макаров А. [32: 184].

Наиболее полной, ёмкой, освещающей большинство значимых аспектов творчества Астафьева, является книга В. Я. Курбатова «Миг и вечность: размышления о творчестве Астафьева». Она представляет собой серьезное, разностороннее исследование творчества В. Астафьева, где детально анализирует на конкретных произведениях, выделяет их художественные особенности, акцентируя внимание на стиле, актуальности тематики, подчеркивает особую публицистичность прозы писателя. Курбатов В. Я. считает Астафьева В. П. натуралистом по детальной точности передачи событий, он пишет, что «такая точность коробит» [29: 97], но при этом каждое слово писателя называет хранителем опыта и отражением духовного пути народа.

Прежде чем перейти к анализу нелитературной лексики в романе «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева, важно различать стиль как понятие литературоведения и как понятие лингвистики. Стиль в литературоведении и стиль в лингвистике соотносятся с разными объектами: в первом случае – с литературным произведением или творчеством отдельного писателя, во втором – с разновидностью общенародного (или литературного) языка и речи. Однако,

стилистику литературного произведения изучают не только литературоведы, но и лингвисты: это объект, на котором сходятся интересы обеих наук. Язык художественной литературы в стилистическом отношении резко дифференцирован в зависимости от индивидуальной манеры писателя.

В свое время В. Г. Белинский писал, что «в художественной литературе столько стилей, сколько есть на свете даровитых писателей. Язык (стиль) каждого истинно художественного произведения, каждого даровитого писателя, отражая общие признаки языка художественной литературы, отличается неповторимым своеобразием. Поэтому вряд ли допустимы трафареты при анализе стиля писателя» [4: 15].

Исходя из этого, анализ нелитературной лексики в романе «Прокляты и убиты» целесообразно начать с характеристики индивидуального языкового стиля В. Астафьева.

В прозе Астафьева сочетаются все пласты словесного материала. «Традиционные плачи, старинные причитания, присловья, поговорки, молитвы и частушки, диалектизмы и уходящие вдаль времен простонародные грамматические формы языка на страницах произведений уживаются с деловым словарем современности, с «плодами» его грубых жаргонов – то уличных, полублатных, то даже таких, что недавно еще считались непечатными» [15: 18].

Именно такое своеобразие стиля мы увидели в романе Астафьева «Прокляты и убиты». Писатель не боится просторечных, обиходных жанровых слов, смело включает пословицы и поговорки. Его повествование основано на живой разговорной речи. Речь героев необычна: одни употребляют много диалектных, чисто сибирских выражений, другие говорят на жаргонном языке. Многие слова носят явно стилистически–сниженную окраску, иногда просто «режут слух». В связи с этим, возникает вопрос о правомерности использования этих слов, соблюдено ли автором чувство меры. На это мы дадим ответ в

процессе изучения нелитературной лексики в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты».

## 1.2 Особенность использования нелитературной лексики в романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева

Вся лексика русского языка делится на литературную и нелитературную. К литературной относятся книжные слова, стандартные разговорные слова, нейтральные слова. Существует также нелитературная лексика, в которой выделяют: диалектизмы, просторечия и жаргонизмы. Эта часть лексики отличается своим разговорным и неофициальным характером.

**Диалектизмы** – слова, употребление которых свойственно людям, живущим в определенной местности. Диалектные слова используются преимущественно в устной речи, так как и сам диалект – это главным образом, устная разговорно–бытовая речь жителей сельской местности [37: 444].

**Жаргон** – речь какой – нибудь социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных. Ж. торговцев. Воровской ж. П прил. жаргонный, -ая,-ое. [37: 519].

**Просторечия** – речь малообразованных носителей языка (преимущ. горожан); черты произношения, слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению. Городское п. П прил. просторечный, -ая, -ое. Просторечные слова и выражения [37: 1794].

В произведениях художественной литературы нелитературной лексики в небольших количествах используются для речевой и портретной характеристики персонажей.

Литературная деятельность В. П. Астафьева связана с народом, с его судьбой и бытом. В современной литературе его творчество стоит рассматривать как олицетворение народности.

Для современной лингвистики и литературоведения, мы считаем необходимым возвращение к понятию народности и его уточнения, что очень важно для нынешнего национального самосознания. Наиболее ярким представителем народной прозы и является В. П. Астафьев: «Народность Виктора Астафьева – в нем самом, его судьбе, в его родословной, в его речах – и только после этого – в его книгах. Виктор Астафьев самобытен и в своих суждениях, в своих привычках, без какого-либо стереотипа, столь излюбленного в наши времена [51: 35]».

Обращение В. П. Астафьева к публицистическому слогу, а также увлечение народным (диалектизмы, просторечия, жаргонизмы) словом является основной особенностью народного стиля.

В научно–публицистических статьях подчеркивалась мысль о том, что народность прозы Астафьева не искусственна. Она перекликается с биографией автора. Народность прозы отражает традиционную русскую культуру ещё в одном её повороте – сибирском и передаёт загадочный дух загадочной русской души.

Народное слово ценно для писателя тем, что оно выражает естественность человеческих эмоций, детально раскрывает весь спектр событий.

Это отражается в темах: сибирская или уральская деревня, провинциальный городок; центральный персонаж – сибирский крестьянин в обычных бытовых условиях или вырванный из обыденной жизни солдат. В произведениях Виктора Петровича бывает трудно выделить главного героя или даже главных героев, они все люди – герои, проходящие перед глазами писателя и перед глазами читателя. Они – это и есть народ.

Прежде всего, народность у Астафьева представлена через естественную, ненавязчивую передачу народного мировосприятия. Оно проявляется во всём: в выделении определённых элементов сюжета, в акцентировании на теме семьи, патриархального уклада жизни и патриархальных отношений в деревне и в авторской их оценки вовсе не бунтарской, стремящегося к перестройкам; в особом образе автора, как бы олицетворяющем народную мудрость и несуетность, стабильность народных представлений отличных от «городских».

В «Книге одной жизни» В. Курбатов говорит, что «Астафьев воскрешает язык просторечной Сибири, беспокоится о сохранении биосферы языка», каждое диалектное слово у него – «хранитель опыта, отражение древнего пути народа» [28: 5].

Итак, одним из способов выражения народности является использование диалектизмов. Фрагментарное описание диалектизмов, встречаемых в «Царь-рыбе», находим в работах М. Вахитовой, Н. Яновского, И. А. Подюкова, О. Н. Емельяновой и др. Наиболее тщательно подходят к описанию диалектизмов в произведениях В. П. Астафьева М. Ю. Жукова, исследовавшая диалектную лексику в «Последнем поклоне», М. Л. Падерина исследует диалектизмы в языке «Царь-рыбы» как особенность индивидуального стиля В.П. Астафьева, она привела полную классификацию диалектизмов, а также определила их функции и приемы употребления.

Изучению диалектизмов в прозе Астафьева посвящены работы Самотик Л. Г. «Народность языка произведений В. П. Астафьева» и «Слово русское, простое», статья Скородумовой Я. А. «Функции диалектной лексики в автобиографической прозе В. П. Астафьева», где выделяются особенности диалектизмов, и дается классификация их функций в соответствии с классификацией функций слова.

По мнению Самотик Л. Г., диалектизмы воспринимаются как символ народной речи, как экспрессивные, эмоционально окрашенные слова, которые

помогают более выразительно передать изображение жизни. «... У Астафьева народность представлена через естественную передачу народного восприятия» [45: 47].

Диалектизмы в прозе Астафьева, по мнению Самотик Л. Г., многофункциональны и выполняют моделирующую, характерологическую, номинативную, эмотивную, кульминативную функции.

Передача подлинной народной речи – функция моделирующая – обеспечивает реалистический метод в художественной литературе. В Истории русской литературы существовало два подхода к проблеме: историко–этнографический и натуралистический с использованием стилизации – путем отбора некоторых характерных свойств диалекта и введение их в речь героев. Таким образом, говоры нижнего и среднего Енисея характерны особенностями, отличными от литературного языка.

Использование нелитературной лексики в речи героя служит для его характеристики: социальной (речь крестьянина; речь любого деревенского жителя или как необразованного малокультурного человека, или как человека из народа); по территориальной принадлежности (речь человека, родившегося и выросшего в какой–либо определенной местности); индивидуальной характеристики речи.

Номинативная функция – основная функция лексического уровня. Особое значение она приобретает в данной группе слов через этнографизмы – слова, обозначающие специфические для культуры региона предметы и явления, не переводимые на литературный язык.

Эмотивная функция – передача через диалектизмы субъективного отношения к сообщаемому как героя, так и автора произведения.

Кульминативная функция – функция привлечения внимания читателя к слову. Реализуется через прием нарушения цельности графического образа слова, т.е. отступления от правил орфографии или грамматики.

В современной художественной литературе используется большое количество нелитературных слов, многие из них никак специально не выделяются, не оговариваются. Это связано с тем, что значительная часть их – это не лексические диалектизмы, а лексико – фонетические или лексико–словообразовательные, т.е. такие, которые не нарушают «понятности» текста. Само понятие «понятности» изменилось, часто читателю не нужно точно знать значение слова, представить себе предмет во всех деталях, достаточно понимать общий смысл сказанного. Поэтому идет процесс десемантизации диалектного слова в художественном тексте.

Другим способом выражения народности писателя является использование устойчивых словесных сочетаний, в которые включены нелитературные элементы.

Этому вопросу посвящены работы Емельяновой О.Н. «Пословицы, поговорки, присловия в прозе Виктора Астафьева» и «Устойчивые обороты в прозе Виктора Астафьева», где она более скрупулезно подошла к исследованию этих элементов. Самотик Л. Г. в работе «Здесь Русский дух, здесь Русью пахнет» отмечает использование автором фольклорных элементов и фразеологии, как основную черту народности его произведений. В диссертации Комаровой Е. В. дан синхронный анализ фразеологии, описаны фразеологические системы прозы Астафьева В. П. в сопоставлении с другими писателями.

Астафьев дал нам образцы мастерского использования этих единиц, вводит их в текст или без изменений, или частично перефразируя. Русские пословицы, поговорки и другие устойчивые словосочетания и выражения занимают значительное место среди используемых писателем изобразительных средств, прежде всего потому, что в них заложены большие выразительные возможности:

высокая степень обобщённости, эмоциональность, экспрессивность, стилистическая окрашенность, образность. Автор передает нам свое мироощущение удивительным по художественной выразительности, ёмким, пластичным языком. Устойчивые обороты придают авторской речи живость, меткость, свойственную народной речи, а в речи персонажей выступают как яркое средство языковой и стилистической характеристики.

Нелитературные единицы языка в художественном произведении В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» выполняют определенные функции. Шарыпов А. отмечает, что они необходимы «для полноты характеристики некоторых героев» [56: 1]; Н. Яновский усматривает в этом воздействие на нашу культуру: «Словом, что ни упрек, то свидетельство, что русский язык, русское слово, часто и сейчас бытующее в народе, мы, читатели и критики, не знаем, что не мешает нам упрекать писателя, который их совсем не бездумно употребил и вовсе не нарушил необходимую в этих случаях художественную меру» [59: 136]. Изучение нелитературного пласта лексики в романе раскрывает языковой потенциал уникальных региональных слов. Попадая в художественную литературу, жаргонизмы, просторечия и диалектизмы приобретают дополнительные оттенки и становятся средствами художественной выразительности. Они позволяют точнее представить авторский замысел, глубже проникнуть в характер персонажей.

### 1.3 Экспрессия как основное качество нелитературной лексики в романе В.П. Астафьева "Прокляты и убиты"

Шарифуллин Б.Я. исследовал экспрессивные явления в прозе Астафьева. В своей работе «Генетические аспекты языковой экспрессивности» он писал о том, что «эмоции человека – в некотором смысле генератор случайных величин, реализующих переход от не ошибающегося интеллекта к ошибающемуся разуму, способным не только впитывать и передавать информацию, но и выражать своё отношение к ней, всегда субъективно окрашенное, следовательно, не претендующее на «истину» [54: 60]. Поэтому значение экспрессивной функции языка для человека разумного не менее важно, чем функции коммуникативной или информативной.

Природа эмотивного изучается весьма активно в различных аспектах, подходах и параметрах. Проблема лексической экспрессивности, связанной с эмотивностью, предстаёт в традиционных исследованиях Шарифуллина Б. Я.

Рассмотрим экспрессивные явления, представленные в романе, язык которого отражает самые разные пласты народной речи, чрезвычайно насыщенной экспрессивной лексикой и фразеологией.

1. Энантисемия – это один из крайних случаев взаимодействия антонимии и омонимии, именно в этом аспекте она возникает как необходимость или возможность приписывания одной и той же формы двум разным явлениям [57: 57].

В. И. Жельвис, говоря об инвективах, т.е. «бренных словах в широком смысле, отмечает принципиальную возможность существования в одном употреблении двух значений, положительного и отрицательного. Это свойство соединения противоположных знаков в значении одного слова и составляет суть энантисемии» [19: 27]. Необходимо подчеркнуть, что речь должна идти об одном и том же слове, а не об одном употреблении, как полагает В. И. Жельвис,

поскольку энантиосемия проявляется в разных ситуативных контекстах, а не в одном конкретном употреблении.

Сравним у В. Астафьева: в нейоративном смысле «*знай, курвы тыловики, свое место* [1:110]»; «*мы фашисту–блядине все одно кишки выпустим!* [1: 178]»; «*нажрался, обормот* [1: 44]» и при выражении восхищения «*хороша, курва* [1: 452]»; «*а-ах, хороша, блядина!* [1: 202]»; «*очень ловкий и хитрый обормот* [1: 195]».

Совмещение положительных и отрицательных знаков, т. е. энантиосемия имеет место не только у инвектив, но и у других типов экспрессивных слов. Например, она присуща словам, выражающим понятия, амбивалентные по самой своей природе (**чёрт** «враг человеческий» и «ловкий, умелый, матеровитый человек»), словам, совмещающим отрицательные значения с нейтральными.) Широко известно явление нейоративное (пренебрежительное) употребление таких слов как «хороший». Сравним у Астафьева: «*Хаар-рош! Ох, хар-рош! Ни ума, ни заклицу, как говорится!* [1: 552]» Слово «хорош» приобретает здесь неодобрительный смысл.

## 2. Экспрессивные глаголы.

Язык произведения В. П. Астафьева является богатным материалом для исследования экспрессивных возможностей нелитературной речи. Из всех частей речи глагол выделяется лингвистами как самая сложная и ёмкая. Использование экспрессивных глаголов позволяет любому писателю придать особую яркость повествованию. Обратит внимание на испытываемые персонажем чувства, оказать более сильное воздействие на читателя.

Постоянные признаки глагольного слова, как–то: качественно-количественная характеристика действия, образность, оценочность, эмоциональность и экспрессивность – позволяют выявить экспрессивные функции глагольных слов.

В романе глаголы в основном характеризуются языковой экспрессивностью. Такие глаголы можно назвать лексическими экспрессивами. Непринуждённость повествования позволяет писателю использовать большое количество разговорно–бытовых, жаргонных, просторечных глагольных слов, обозначающих интенсивность проявления действия, резкую мгновенность, т.е. для большинства употребляемых глаголов характерна акциональная (Акциональность – логико–синтаксический тип семантики простого предложения, представленный преимущественно глагольными предложениями: двусоставными и односоставными. [18: 10]) оценочность действия, что делает слово эмоционально окрашенным, а значит и экспрессивным. Язык очерка отражает большие взаимодействия глагольного экспрессива и его окружения в тексте: контекст поддерживает, развертывает, усиливает экспрессивные потенции слова, что проявляется в следующих ситуациях.

Сочетая в одной фразе разговорные и просторечные глаголы с книжными, В. Астафьев стремится:

1) передать ироническое отношение к описываемой персоне;  
 2) свою авторскую речь максимально сблизить с речью «любимых» персонажей;

3) очень часто в романе используются глагольные фразеологизмы, содержащие в себе нелитературную лексику: «*Закуривай, курачи, кто не курит, тот дрочи* [1: 57]» (*дрочить* – заниматься пустым, никчемным делом [16: 122]); «*привертывать на огонек*» (привертывать – прост. Заходить, заезжать по пути, по дороге [37: 893]); «*блажить на всю реку*» [1: 57] (*блажить* – (прост.) поступать своенравно, дурить [37:265]).

Таким образом, мы поняли, что общее впечатление от прочитанного усиливается умелым использованием писателем экспрессивных средств русского языка, в частности, экспрессивных глаголов.

Итак, в результате анализа научной и научно-публицистической литературы, мы поняли, что основной особенностью индивидуального языкового стиля В. П. Астафьева является народность языка. Народность языка писателя достигается преимущественно через использование диалектизмов, а также устойчивых оборотов и фразеологизмов, включающие в свой состав нелитературные элементы. В. П. Астафьев включает в художественные произведения пласт жаргонной и просторечной лексики, сочетая их с литературным художественным языком.

Диалектизмы в прозе Астафьева выполняют моделирующую, характерологическую, номинативную, эмотивную, кульминативную функции.

Основной особенностью нелитературной лексики является экспрессия. Она достигается путем использования таких явлений, как энантиосемия и экспрессия глаголов, в чей состав входят нелитературные элементы.

## 2 ГЛАВА

### НЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

#### 2.1 Использование нелитературной лексики при создании портретных характеристик

Особую значимость приобретает нелитературная лексика при создании портретных характеристик. Автор детализирует портреты своих героев, дает точное описание индивидуальных внешних признаков, рассчитанных, главным образом, на зрительное впечатление. Создает сатирические портреты с использованием приема косвенной характеристики через отдельные мазки, детали, тонко и точно характеризующие героев.

При описании портрета молодой девушки, билетной кассирши– контролера Софьи, автор обращает внимание ее глаза: *«...салатного цвета глаза. На лице девушки они не уместались, выплеснулись аж на виски, уперлись в берега приспущенных на уши волос...»* [1: 129]. Частица «аж» выражает степень восхищения и удивления. И тут же описание НКВДшника: *«У этого громилы всегда загорелая иль непромытая кожа лица, спина, минуя ворот гимнастерки, переходит прямо в затылок, дровяным колуном взнимающийся к тупому острию, острие это, минуя то место, где быть лбу, сваливается прямо в переносье, переносье же, не успев организовать в нос, завершается двумя широкими дырами, из которых щетиною торчит волос, срастаясь с малоприметными усами, нависающими над щелью беззубого рта, кой не имеет ни начала, ни конца, расползается от уха до уха. Такой безмерный рот, способный заглотить жертву шире себя, бывает только у змей»* [1: 136].

Преисполненный поэзии и жизни облик Софьи вступает в художественное противоречие с портретной характеристикой НКВДшника. Постепенно выстраивается ассоциативный ряд: жестокое, безликое, бездушное орудие для уничтожения себе подобных. Сатирически автор рисует полковника, начальника политотдела дивизии Мусенка (уже само имя носит характер уничижительно-

пренебрежительный): «...**маленький человек**, в крохотно-махоньких, почти кукольных сапожках. У **человека-карлика** были крупные, старые черты лица, **лопушистые** уши, нос в черноватых **дырах свищей**, широкий, налимий рот с глубокими складками **бабы-сплетницы** в углах, голос с **жестяным звяком**» [1: 648]. Сатирический эффект усиливается благодаря противопоставлению слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами со словами, имеющими значение «крупный», «старый». И вместо человеческого голоса – «жестяной звяк».

Страшен облик командира первой роты: «**морда**, на ведро величины и формой похожая, гладко выбрита, новый подворотничок светится, сапоги блестят, глазки **оцинковело сереют на емкости**» [1: 66]; «... не со строем, не с народом шел, равно бы одинокий медведь по бурелому пер: сапоги бухают, терзают, **мордуют** матушку-землю, комья грязи летят, песок попадетса под сапог - вихрем взвивается, снег визжит под копытами, сук трещит, дорога воеет» [1: 68]. В этом контексте слова «морда» и «емкость» становятся синонимами и приобретают значение близкое к «нечеловеческое». Следует отметить, что автор использует слова, сниженные по стилистической окраске, для создания образов командиров, но избегает этих слов при характеристике новобранцев: «...переходя взглядом с лица на лицо, как бы перелистывая бледные, стертые, трудно различимые страницы и, несмотря на похожесть серой армейской массы, этого вроде однородного человеческого материала, находил лица, **отмеченные юношеской красотой, умом, дерзостью, нахальством, покорностью, безразличием, озорством**» [1: 137].

## 2.2 Использование нелитературной лексики при создании речевой характеристики героев

Сильнейшим характерологическим средством является речь героев. Она выражает внутренний микромир персонажа, его индивидуальные и социальные признаки.

В речи выявляются примечательные черты каждого из героев. Автор воспроизводит речь, сохраняя фонетико–интонационные особенности разговорного стиля, лексику, характерную для разных социальных слоев общества:

*«Разговорчики, памаш! – врезался в толпу старшина Шпатор – Марш на улицу! Ну арь–мия, ну арьмия! Помру я скоро, подохну от такой арьмии» [1: 91].* Слово «памаш» по марийско–русскому словарю означает «колодец, ключ, источник». Здесь же старшина Шпатор употребляет это слово в качестве междометия. На протяжении всего романа стало понятно, что это слово является «словом–паразитом» в речи старшины. В произношении слова «арьмия» он смягчает звук «р» – это особенность его речи.

*«Нет, я не пгав. Жизнь не бывает неспгаведливой - нет. Откуда бы я узнав вашу жизнь, гебята, есви б не понав сюда, в эту чегтову яму? Как бы я оценив эту вот кагтофевину, кусочек дгагоценного сава, все, что вы отогзави от себя? Из своей квагтигы? Где я не ев макагоны по-фвотски, где в гостиной в вазе постоянно засыхави фгукты? Кого бы и что бы я увидев из пегсональной машины и театгавьной ожи. Все пгавивьно. Если мне и суждено погибнуть, то с юбовью в сегдце к юдым.( выдал признание Васконян)» [1: 53].* Дефект речи, картавость и произношение звука [в] вместо [л] является особенностью речи Ашота Васконяна. Как мы видим, писатель полностью воспроизводит его речь.

*«Бубны-черр-вы, бабы-стер-рвы, сахар за щеку, перо в бок! Блефуй, но не мухлой, а то я тя на эту печку голой ж... посажу!» (высказывался Леха Зеленцов) [1: 133].* Употребление таких устойчивых оборотов, как «бубны червы,

бабы стервы, сахар за щеку, перо в бок», употребления слова «мухлой» раскрывает нам социальное положение Лехи Зеленцова, как картежника и вора. Как известно из жаргонного словаря Елистратова, этот оборот относится к картежному жаргону.

Зачем автору понадобилось так обстоятельно воспроизводить речь?

Во-первых, сохранение неполного типа произношения, редукция согласных, вплоть до их выпадения создает ощущение непринужденной живой, выразительной речи и в полной мере помогает охарактеризовать каждого из говорящих.

Во-вторых, сразу становится понятно социальное положение каждого, ведь в этой «яме» оказались совершенно разные люди: жулики, картежники, воры, бывшие урки-арестанты, бывшие беспризорники, работяги, старообрядцы, представители интеллигенции.

Автор акцентирует внимание на речевой манере: *«...взъерошенный, сипло дышащий командир роты с неприкрытой ненавистью, сглатывая от гнева твердые звуки, пролаял...»* [1: 34]. И сразу выявляются примечательные черты: отсутствие культуры, грубость, категоричность, безапелляционность, привычка к праву требовать. Элементы канцелярской фразеологии в речи Пшенного сочетаются с вульгаризмами и нелитературными формами. Ему противопоставляется старшина Шпатор, который *«никогда по-черному не ругался, тем более в мать, в бога»* [1: 46]. *«Веровающий потому что», - уважительно говорил Коля Рындин про старшину»* [1: 46].

Факторы, обуславливающие подбор лексических единиц:

- 1) характер отношений между говорящими;
- 2) привязанность к ситуации;
- 3) сфера общения;

- 4) неофициальность и непринужденность общения;
- 5) неподготовленность речи.

В данном романе границы нормы языка становятся зыбкими, расплывчатыми, диалогическая речь допускает значительные отклонения от общепринятых норм вследствие свойственного ей эмоционального характера.

Попытаюсь произвести замену нелитературной лексики в одном из диалогов:

1. «- *А где мой ужин? Пайка моя солдатская, кровная где? - врастяг, капризно начинал нудить Петька Мусиков, свесившись с верхних нар и на всякий случай держась за столб*» [1: 119].

«- *А где мой ужин? Пайка моя солдатская, кровная где? – протяжно, капризно начинал говорить Петька Мусиков, свесившись с верхних нар и на всякий случай держась за столб*».

2. «*Старшина Шпатор затаился в коптерке, ни гугу. - Чё сурлы воротите? Сожрали мою пайку? - наседает на дневальных Петька Мусиков. И не подавились? Товаришшиы, называется, ишишо концамольцы, небось, блядь! Пиздили пайку, и хоть бы что!*» [1: 119].

«*Старшина Шпатор затаился в коптерке, ни слова. - Что лица отворачиваете? Съели мою пайку? - наседает на дневальных Петька Мусиков. - И не подавились? Товарищи, называется, еще комсомольцы, небось! Украли пайку, и хоть бы что!*»

3. «-*Ты поори, поори. С нар стащим, на улицу вышибем, долаешься!*» [1: 120].

«-*Ты покричи, покричи. С нар стащим, на улицу выбросим, докричишься!*»

В процессе замены диалог потерял свою динамичность, эмоциональность, импульсивность, характерность и естественность. Для некоторых слов невозможно подобрать аналог, например к жаргону «блядь», которое выступает в значении междометия, выражающего экспрессию или частицы. Следовательно, писатель отобрал словесный материал в соответствии с художественными задачами. В произведении действуют несколько «углов зрения», несколько оценочно–эмоциональных и речевых планов – автора и персонажей, находящихся в сложном взаимодействии. Конечно, многие факты жизни остаются за пределами художественной модели, зато другие концентрируются и подчеркиваются.

**Диалектные** слова вводятся автором для создания речевой характеристики. Они указывают на сибирское «происхождение» героев, частично – на их необразованность, незнание норм литературной речи, но при этом В. П. Астафьев не высмеивает и не осуждает своих героев. Мы чувствуем любовь писателя к живой народной речи.

Диалектизмы, используемые автором можно разделить на несколько групп:

**1. Фонетические диалектизмы** – слова, в которых отражаются фонетические особенности того или иного диалекта [19: 138]. Они передают такие особенности северной речи, как, например, неразличие звуков [ч], [щ], [шс] и [ш]: «Я ж тебе, **парнишша**, говорил: покуль от еды воздержись, от картошки, да еще недопеченной, разнесет тебя ажник на семь метров против ветру... – Коля приостановился и гоготнул: – **Не шиштая** брызгов!» [1: 7]; «И **ишио** брюхо терет» [1: 8]; «**Обешшаю**» [1: 98]. Как нам известно, из текста романа, Коля Рындин был родом из Верхнего Кужебара Каратузского района, что находится на берегу реки Амыл притоке Енисея, что говорит об особенности произношения звуков [ч]; [щ] и [ш].

Несмотря на обилие диалектизмов в речи героев, она довольно легко воспринимается, все слова понятные, ведь их фонетический облик или грамматическая форма не очень сильно отличаются от литературной.

**2. Этнографические диалектизмы** – тип диалектизмов, обозначающий свойственные данной территории предметы быта, пищи и т.п. [19: 145]. К примеру, характеризуя одного из своих героев, солдата–сибиряка Лешку Шестакова, родившегося в сибирской деревне Шурышкар на Оби, Астафьев вводит этнографические диалектизмы: «*Вся **вилючая** (**вилючая** – непостоянная, извилистая) вода ручьями и ручейками, стекающими **ссорами** (сор – отмель, поросшая камышом и кугой), **подпячивает** к Оби на пригретое мелководье, покрытое пыреем и осокой, да кое-где высоким, на бамбук похожим тальником и цепким смородинником, вольно все лето на просторах жировавшую рыбу» [1: 421].*

В данном случае диалектизмы выполняют важную стилистическую функцию: показывают связь героя с его родными местами, тоску солдата по дому, передают особенность речи героя. Умело введенные автором диалектные слова в текст романа становятся средством речевой экспрессии. Следует отметить, что в романе В. Астафьева нет непонятных диалектных слов, но речь героев всегда самобытна и народна.

Этнографические диалектизмы помогают более точно воспроизвести быт военных, придают описаниям местный колорит: «*под деревьями рядами стояли пять подвалов со всюду распахнутыми воротами-дверями, толсто белел **куржак** над входами» [1: 9] (**Куржак** – замерзшие испарения на деревянной постройке); «*за обедом он опоражнивал горшок щей, сковороду **драчены** на сметане» [1: 26] (**драчёна** или **драчона** – тертый картофель, зажаренный с маслом [49]); «*тащат-везут две маленькие фигурки **лагуху** с водой» [1: 353] (**лагуха** – **лагушок** – небольшой сосуд для хранения жидкости, маленький бочонок с отверстием в дне, затыкаемым «затычкой» [49]).***

### 3. Лексические диалектизмы –

слова, отличающиеся и по форме, и по значению от слов общенародной лексики [19: 82]. Они служат для речевой характеристики рассказчика, придают его речи разговорный характер и эмоциональность. Лексические диалектизмы делятся на группы:

1) собственно лексические диалектизмы – слова с другим корнем, синонимичные литературным: «она проводила его до **зимника**, сбегаящего на Обь» [1: 174] (**зимник** – дорога) [53: 242]; «в это время **хакнул** густым дымом комбайн» (**хакнуть** – гоготнуть [53: 748]); «**примерзшие** к земле **сысподу**» (**сысподу** – снизу) [12: 347].

2. лексико–фонетические диалектизмы – диалектные слова, отличающиеся от литературных несколько иным звучанием: «**ошоптано баушкой Секлетиньей**» [1: 7] (баушка–бабушка); «ну, **губахта** будет нам...» [1: 178] (губахта–гаупвахта); «**аж спотели**» [1: 179] (спотели–вспотели).

3. лексико–словообразовательные диалектизмы – синонимичные литературным однокоренные слова, отличающиеся от них образующими морфемами: «**пареван** умел уже все» [1: 172] (пареван– парень); «не успевши **изжевать** овощ» [1: 62] (изжевать– разжевать).

Обилие диалектизмов в анализируемом романе В. П. Астафьева ещё раз доказывает виртуозное владение автора живым русским словом. Они помогают ярче охарактеризовать героев, передать индивидуальность их речи, а иногда служат и средством создания сатирической окраски.

Самой яркой и наиболее часто употребляемой языковой особенностью в произведении В. Астафьева является пласт **просторечной лексики**. Его составляют слова (и словосочетания), заимствованные из народно–разговорной речи (из диалектов, жаргонов, просторечия). Эти слова объединяются такими стилистическими признаками, как сниженность, резкость, фамильярность, яркая оценочность характеристики лица, «предмета», события и т.п. В качестве примера можно привести один из

диалогов двух самых ярких персонажей романа – сибиряка Лехи Булдакова и старшины из Вологды Финифатьева:

«–Де–эд, ты будешь спать или нет? Завтре битва.

– Коли битва, так ковды разговаривать в ей будет...

– Де–эд, ты же в любом месте, в любой ситуации можешь разговаривать двадцать пять часов в сутки, я токо двадцать. Мое время истекло. Уймись, а?

– Какой ты, Олеха, все же маньдюк!.. Уймись, уймись. Тебе б токо пить да **дрыхать**, а вот у меня предчувствия...

– Де–эд. Я выпил, спать хочу, **пожрать**, поспать – вот для чего я существую. И ишио де–эд! Я девок люблю. А где девку **взясти**? Хотел у офицеров одну увести, да где там, самим не достает. Помнишь, дед, поговорку. «Солдат, девок любишь?»

– «Люблю».

–«А оне тя?»

– «Я их тоже...» – А хто их, окаянных, не любит?!

– Гэ–э–э!.. – Де–эд, если будешь **шарашиться**, я **придавлю** тебя!.. У бар-р бороды не бывает!..

– Господи, спаси и помилуй нас от напасти! – взмолился старый партиец Финифатьев – Хер уж с тобой! Спи! С им, как с человеком...» [1: 472].

В этом диалоге представлены слова самой разнообразной экспрессивной окраски – от дружеских до грубоватых и оскорбительных. Дружеская фамильярная лексика наделена «мягкой» экспрессией доброго отношения, шутливости, живого участия, заботливости и т.п., отрицательные оценки смягчены. Присутствующая же здесь и грубо фамильярная лексика с

отрицательной оценкой смягчается ситуацией, общей атмосферой «мирной» беседы старых друзей, однополчан, подвыпивших по случаю удавшегося «броска» в окопы врага, где «ушлый» Леша обжился едой и выпивкой. Данные лексемы выполняют особую стилистическую роль – передают колорит речи персонажей, «оживляют», украшают книжный текст, повышают действенность текста и авторской речи художественного произведения: *дрыхатъ* – прост. спать [37: 652]; *пожрать* – съесть без остатка с жадностью [37: 652]; *взяти* – найти [49]; *шарашиться* – ходить без цели, мешая к.-л. [49]. Большинство слов, составляющих литературное просторечие, отличается яркой эмоционально–экспрессивной характеристикой, унаследованной от «родной» речевой стихии их постоянного бытования: «парни *шныряли* по казарме» [1: 9] (*шнырять* – (прост.) поспешно двигаться в разных направлениях) [37: 2358]; «будто парнишки *сперли* у отца горсть *пистонов*» [1: 24] (*спереть* – (прост.) переть, украсть) [37: 1536].

При этом автор ведет строгий отбор слов, тщательно взвешивает каждое из них: «С замечательной свободой владеет Астафьев этим великолепным, истинно лесковским языковым богатством, которому оскудения нет... а за этим праздником – беспощадный отбор, длительная, изнуряющая работа» [28: 178].

В речи солдат родом из сельских местностей встречаются иноязычные заимствования, которые трансформируются нередко до неузнаваемости. Этот процесс деформации заимствования характерен для просторечия. Например, слова *лесурс*, *набилизуй* изменены по созвучию с иноязычными словами *ресурс*, *мобилизуй*. Слово *свитер* в речи героини романа Шуры приобретает форму женского рода *свитра*, что является характерной чертой просторечия.

Процесс деформации часто затрагивает и терминологию: «нет, нельзя, не дай Бог *дезинтухой* в этой чертовой яме заболеть» [1: 48]. Слово *дезинтуха* образовано от термина *дизентерия* с помощью суффикса –ух-, ср. желтуха.

Известно из литературы, что индивидуальное словопроизводство также является характерной чертой речи носителя просторечия, например, **уко́нтрапу́пить** – отразить контратаку.

Именно речь становится эффективным способом самораскрытия героя. Есть примеры слов с **аффиксами со значением презрения или сочувствия**: «Слабовольные люди**ишки** страшно завидовали тем, кто обладал терпением» [1: 56]; «перевоспитывать пакостника солдат**ишку**» [1: 136]; «солдатня», «вояка», «землячок», «сосунок», «поповщина», «борчиха за счастье мирового пролетариата Клара Цеткин», «штрафняк», «житуха», «голодуха», «пылища», «вонища» и др.

**Жаргонизмы** также звучат в речи героев: «сложив ноги калачом, сидели крутом, **резались** в карты» [1: 5] (**резаться** – (жарг.) играть, картежный жаргон) [16: 402]; «**нассано** было возле нар» [1: 9] (**нассать** – помочиться) [16: 274]; «наряд, попавший на кухню, **шакалил**» [1: 112] (**шакалить** – варварски добывать) [16: 545].

Жаргонная лексика, употребление оценочных слов придает, с одной стороны, повествованию живость и образность, а с другой, – отражает страшный быт войны, реалистически описывают жизнь в экстремальных обстоятельствах.

Писатель вкладывает в уста своих героев бранную лексику, которая несёт экспрессию грубой оценки: «**Суки** они» [1: 53] (Сука – ругательное с самым широким знач.) [16: 454]; «**Хераньки** ихим иллюзиям» [1: 32] (**хераньки** – ноль, ничего) [16: 513].

В романе можно выделить группу армейских **жаргонизмов**: «во вшивой **пехтуре**» [1: 41] (**пехтура** – пехота); «**каптерка** ротного старшины Шпатора» [1: 22] (**каптерка** – хозяйственное помещение в казарме); «такой молодой, салага» [1: 449] (**салага** – солдат первого полугодия службы); «отыскали засонь и **самовольщиков**» [1: 275] (**самовольщики** – самовольно ушедшие из части).

Для прекрасного стилиста, владеющего в совершенстве русским языком, употребление такой лексики не является самоцелью. Сам Астафьев объясняет употребление мата на войне следующим образом: «Все сокрушающее зло, безумие и страх, глушимые ревом и матом, складно-грязным, проклятым матом, заменившим слова, разум, память, гонят человека неведомо куда, и только сердце, маленькое и ни в чем не виноватое, честно работающее человеческое сердце, еще слышит, еще внимает жизни, оно еще способно болеть и страдать, еще не разорвалось, не лопнуло, оно пока вмещает в себя весь мир, все бури его и потрясения — какой дивный, какой могучий, какой необходимый инструмент вложил Господь в человека!» [1: 2].

Немало фразеологизмов, в состав которых включены нелитературные единицы, писатель вкладывает в уста людей, обладающих большим жизненным опытом, мудростью: «*Бей, Гаврила, куме в **рыло** – сам без глазу останешься!*» – *говаривал когда-то пьяненький дедушка Блажных Иван Демидович*» [1: 352]. Слово **рыло**, по данным толкового словаря, является просторечным [37: 679]. «*Горшок из-под **девок** еле **подымешь***», – *говаривала матушка, дай ей Бог не убавиться здоровьем*» [1: 451]. (слово **девки** является просторечным, и употребляется как фамильярное обращение деревенских женщин друг к другу; **подымешь** является разговорным словом и обозначает поднимать), «коли воин **занеможет**, всяк его переможет, говаривали в старину, друг дружки держитесь, еще раз говорю...» [1: 252]. (**Занеможет** – разг., недомогание).

Часто фразеологизмы встречаются в речи командиров, чей фронтовой опыт равен целой жизни: «*Недаром у нас – окопников – на фронте родилась поговорка: «Для кого война, а для кого – **хреновина** одна»* [1: 175]. (**Хреновина** – что – нибудь плохое, скверное) [16: 513].

В текстах Астафьева фразеологизмы используются как речевое средство определенной социальной среды. Они создают непринужденность повествования, разговорный стиль. Такие фразеологизмы как бы взяты из живой речи, из повседневного общения. Например, «*тут вам не у **мамки** на*

*печи*» [1: 23] (**мамка** – прост. то же, что и мать) [37: 964], *«черт бы тебя побрал»* [1: 87] (черт – жарг. в данном контексте употребляется как междометие) [16: 535], *«жона ты с ручкой»* [1: 104] (О человеке, вызывающем раздражение, негодование) [16: 140].

Использование фразеологизмов уместно и естественно – они воспринимаются как элементы простого, непринуждённого стиля. Такие сочетания являются знаками эмоционального душевного состояния и употребляются в роли междометий.

Главная заслуга В.П. Астафьева в области стилистики языка заключается, на наш взгляд, в том, что он сумел творчески подойти к использованию сниженных языковых единиц. Именно благодаря творческой работе писателя нелитературная лексика превращается в высокохудожественную, несущую многомерные смысловые нагрузки и представляющую огромные эстетические возможности.

Как соотносятся доли разных по характеру стилистической окраски слов в произведении В. Астафьева можно увидеть на примере сопоставления двух отрывков: из 7 главы (диалог) и из 10 главы (биография Лешки Шестакова). Если в первом отрывке всего слов 568, из них собственно-разговорных - 48, просторечных - 18, грубо-просторечных - 73 и бранных - 5 слов, то во втором отрывке: всего - 4058 слов, просторечных - 88, грубо-просторечных - 5, диалектных - 11. (См. приложения № 2 и № 3)

Как видно из приведенных примеров, удельный вес стилистически сниженной лексики незначителен. Это очень хорошо видно на диаграммах (Правда, в первом отрывке процентное соотношение несколько превышает норму - 13% , но это обусловлено специфичностью отрывка). Но если вывести из состава литературного языка функционирующее просторечие, значит лишить язык художественной литературы средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку. И автор вправе включать в художественное произведение нелитературную лексику, чтобы

точно, правильно, образно выразить мысль, объективно в соответствии с жизненной правдой воссоздать действительность и характер героев.

### **2.3 Возможности использования художественного текста «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева при изучении нелитературной лексики в школе.**

Имя В.П. Астафьева знакомо старшеклассникам, так как школьная программа включает изучение его произведений уже в 7 - ом классе. И все же встреча с писателем очень ответственна. На примере отрывков из романа В.П.

Астафьева в 10 и 11 - ом классе, мы ставим перед собой цель: изучение и исследование нелитературной лексики на примере отрывков из художественного текста «Прокляты и убиты». Основной задачей при этом будет определение функций нелитературной лексики.

По этой теме можно провести внеклассное занятие, план - конспект которого указан ниже.

### **План–конспект урока по русскому языку в 10–ом классе №1.**

**Тема урока:** Нелитературная лексика (На примере отрывков из романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»).

#### **Цели урока:**

- знакомство учащихся с лексическими пластами русского языка;
- формирование знаний о языке и речи;
- развитие умения самостоятельно воспроизводить полученные знания и работать с текстовыми материалами;
- расширение представлений учащихся о лексической системе языка;
- формирование правильной и эффективной речи;
- обучение умению понимать чужую речь и излагать свои мысли в письменной и устной форме.

**Тип урока:** объяснение нового материала; комплексное применение знаний, умений и навыков.

**Оборудование:** тексты для анализа.

#### **Ход урока:**

##### **1. Организационный момент.**

Приветствие, проверка наличия тетрадей, переключка.

##### **2. Объяснение нового материала.**

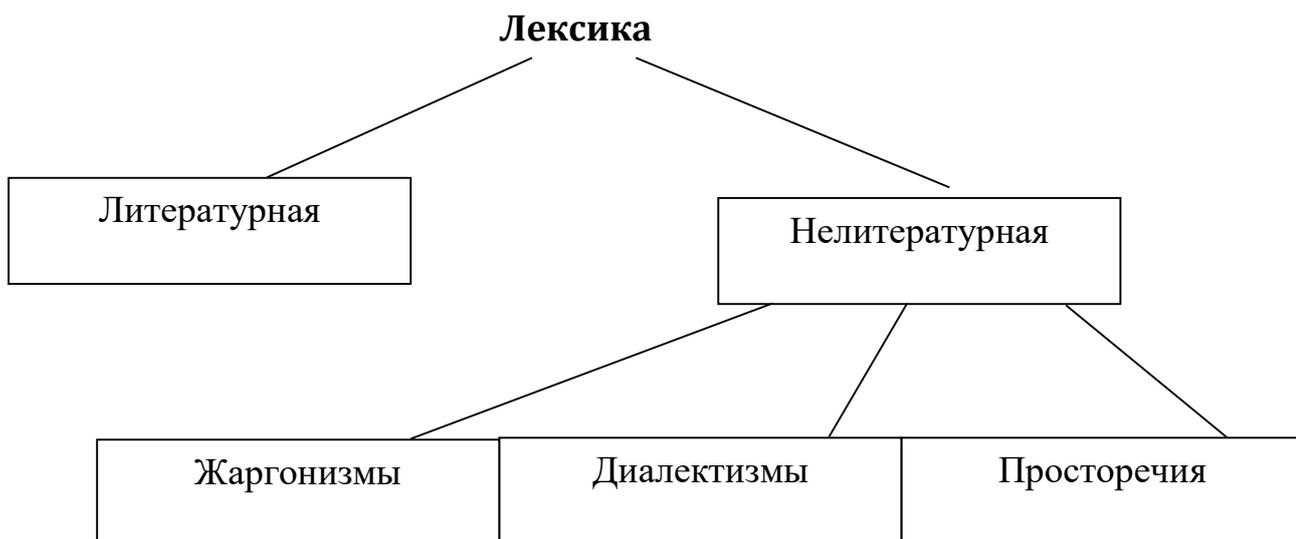
Слово учителя.

- На сегодняшнем уроке мы сосредоточим наше внимание на нелитературной лексике. Цель нашего урока: познакомиться с такими понятиями как «диалектизмы», «просторечия», «жаргонизмы» и научиться различать их в речи.

Итак, тема сегодняшнего урока: «Нелитературная лексика». (Записывают число тему в тетрадь).

Основу лексики русского языка составляет **литературная лексика**. Это лексика, соответствующая нормам современного русского литературного языка. Но помимо этого в языке есть слова, которые известны не всем людям. Эта часть лексики отличается своим разговорным и неофициальным характером и называется **нелитературной**. (Учитель – на доске, учащиеся – в тетрадях чертим следующую схему).

### 3. Запись опорной схемы:



(Запись в тетрадь).

### 4. Работа с текстами из романа «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева.

**Диалектизмы** (от греч. «говор, наречие») – слова, употребление которых свойственно людям, живущим в определенной местности. Диалектные слова используются преимущественно в устной речи, так как и сам диалект – это главным образом устная разговорно–бытовая речь жителей сельской местности.

(Тексты на партах. Обращаем внимание на текст№1)

### **Текст№1.**

*«– У меня вот баушка Секлетинья неученая, но никогда не брала чужого, не обманывала никого, не врала никому, всем помогала, знала много молитв и древних стихир, дак вот ей бы комиссаром-то, духовником–то быть, а не вам. Знаете, какую стихиру она часто повторяла? (Коля Рындин)*

*– Какую же? Любопытно, любопытно, – снисходительно улыбался капитан Мельников.*

*– Я точно-то не помню, **вертоголовый** был, худо молился, вот и не могу теперь отмолиться... А стихира та будто бы занесена в Сибирь на древних складнях оконниками.*

*– Это еще что такое?*

*– Оконники молились природе. Придут в леса, построят избу, прорубят оконце на восход и на закат солнца, молятся светилу, звезде, дереву, зверю, птахе малой. Икон оне с собой из Расеи не приносили, только складни со стихирами. И на одной стихире, баушка Секлетинья сказывала, писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты».*

После прочтения учащиеся отвечают на вопросы:

*– Почему Мельников не понял значение слова **оконники**? (Потому что это слово употребляется в узком кругу, среди сибирских староверов).*

– Попробуйте объяснить значения выделенных в тексте слов.

– А как мы можем узнать значения слов, если перед нами нет ни самих предметов, ни их изображения? (Мы должны обратиться к словарю.)

(На доске записаны определения слов-диалектизмов).

**Вертоголовый** – это чисто пермское слово, экспрессивный человек, невнимательный.

**Складни** – створчатая икона.

**Оконник** – духовники, молящиеся через окно на природу.

– Какие еще диалектизмы вы заметили в речи Коли Рындина? (баушка, дак, то, оне, худо, Расеи, сказывала)

– Диалектизмы используют в художественной литературе. Как вы думаете, почему? (для передачи местного колорита, речевой характеристики героев).

– Ну а мы переходим к следующей группе слов. Но для начала дадим определение следующему слову:

**Жаргон** - речь какой-л. социальной группы людей, объединенных какими-либо интересами, привычками, социальным положением, содержащая большое количество свойственных только такой группе слов и выражений, в том числе искусственных, иногда условных.

**Жаргонизмы** – слова и выражения, относящиеся к какому-либо жаргону.

Выделяют жаргон молодежный, воровской (арго), лагерный.

Наибольшее распространение в наше время получил молодежный жаргон, популярный у студентов, учащейся молодежи. Жаргонизмы, как правило, имеют эквиваленты в общенародном языке: общага – общежитие,

стипуха – стипендия, шпоры – шпаргалки, хвост – академическая задолженность.

Лагерный жаргон, которым пользовались люди, поставленные в особые условия жизни, отразил страшный быт в местах заключения: зек (заключенный), шмон (обыск), баланда (похлебка), вышка (расстрел), стукач (доносчик), стучать (доносить).

Речь определенных социально замкнутых групп (воров, бродяг и т. д.) называется арго (фр. argot - замкнутый, недействительный). Это засекреченный, искусственный язык преступного мира, известный лишь посвященным и бытующий также лишь в устной форме. Отдельные арготизмы получают распространение за пределами арго: перо (нож), малина (притон), расколотся, шухер, фраер.

– Обратите внимание на текст №2.

### Текст №2.

*«– Однако ж, – буркнул командир батальона. "Хана ребятам, хана", – окончательно **порешил** Яшкин. "Умело составлена бумага, ничего не скажешь, так бы умело еще воевать научиться", – морщился Скорик.*

*– Они **че?** – толкнул его в бок Щусь. – Они в самом деле **распишут** ребят?..*

*– Тихо ты... Подождем.»*

(Замените выделенные слова литературными лексическими единицами)

– Почему автор использовал в данном отрывке столько жаргонизмов? (Чтобы дать более яркую характеристику героям.)

– Как вы думаете, допустимо ли использование **нелитературной лексики** в произведениях художественной литературы? (Допустимо, чтобы

передать наиболее ярко ситуацию, сделать образ героя более ярким и колоритным.)

– У нас осталась еще одна группа слов, которую мы должны изучить.

**Просторечия** – речь малообразованных носителей языка (преимущ. горожан); черты произношения, слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению.

– Обратите внимание на текст №3.

**Текст №3.**

– Обратите внимание на выделенные слова.

*«– Водкой лекарство запивает! **Во** лихой **во**яка!*

*– Ага, **разбежался**, будет тебе такой чин с горькой **вонючкой** знаться!*

*– Коньяк! – оспорил **простака** Булдаков, большой знаток напитков и жизни, сразу все **служивые заткнулись**, они не знали, что такое коньяк, но уважали незнакомое слово.*

*Совсем недолго пробыл в подсобке генерал. Вернувшись в столовую, он вышел на середину зала, дождался затишья.*

*– Все!.. – Генерал, сделав паузу, подышал. – Все безобразия исправим. Питание постараемся улучшить насколько это возможно. Только служите **ладом**, ребяташки, на позиции ведь готовитесь, врага бить, так не слабейте духом и телом, слушайте командиров. Плохое обращение будет – жалуйтесь... – Генерал еще подышал и добавил: – В военный округ, по инстанциям, ребяташки, по инстанциям... Иначе нельзя! Иначе порядок совсем нарушится.*

*Народ был разочарован и речью, и визитом генерала. Разве это **нагоняй!** Да эти **мордовороты-тыловики** отряхнутся и по новой **жировать** начнут.»*

– Постарайтесь дать определение выделенным словам и словосочетаниям.

**Лихой вояка** – молодецкий, хватский, бойкий, проворный военный.

**Во** – вот.

**Разбежался** – в разговорном стиле речи обычно выражает скептическое отношение к чьим-либо поступкам, ожиданиям, необоснованным требованиям и т. Д.

**Простак** – простой человек.

**Служите ладом** – служите хорошо.

**Горькая вонючка** – самогонка или водка.

**Служивые заткнулись** – солдаты, несущие службу, замолчали.

**Нагоняй** – наставление.

**Мордвороты–тыловики** – офицерский состав штаба.

**Жировать** – резвиться, тешиться, баловаться (о человеке).

## **5. Вывод урока.**

Нелитературная лексика при умелом использовании в речи является яркой, экспрессивной, эмоциональной.

## **6. Итог урока.**

– Какими знаниями вы дополнили представления о лексике русского языка?

(Лексика делится на литературную и нелитературную. Ко второй группе слов относятся жаргонизмы, диалектизмы и просторечия. Все эти слова употребляются в художественных произведениях для передачи местного колорита и речевой характеристики героев.

**План-конспект внеклассного урока по русскому языку в 11–ом классе №2.**

**Тема урока:** Изобразительные возможности нелитературной лексики (на примере отрывка из романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты»).

**Цели урока:**

- ввести учащихся в систему художественных образов текста;
- показать нелитературную лексику в его живом употреблении, обратить внимание на изобразительные возможности нелитературной лексики;
- формировать и развивать умение находить диалектизмы, просторечия и жаргонизмы, объяснять их роль в создании авторского текста;
- развивать языковое чутье учащихся, обогащать словарный запас и стимулировать их речевую деятельность.

**Тип урока:** комплексное применение знаний, умений и навыков.

**Оборудование:** аудиокассета с записью песни Я. Френкеля «Русское поле», репродукция картины И.И. Шишкина «Рожь», тексты для анализа (отрывок из романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты»).

**Ход урока:**

«Поле,  
Русское поле...  
Светит луна или падает снег-  
Счастьем и болью  
Вместе с тобою  
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!»  
И. Гофф

«Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя»  
В.П. Астафьев

### **1. Организационный момент.**

Приветствие, проверка наличия тетрадей, переключки.

### **2. Звучит музыка (песня «Русское поле»).**

### **3. Вступительное слово учителя.**

" Хлебное поле, счастье, боль, юность, воля, мать, Россия, жизнь... Эти понятия сливаются воедино в сознании каждого человека. А особенно тех людей, которые прошли войну, которые никогда не забудут то время, когда между хлебом и жизнью зловеще стоял знак равенства.

Болью сжимается сердце, когда вчитываешься в строки из писем и воспоминаний о войне. Волнующие документы истории самой кровопролитной из войн – Великой Отечественной. Надо ли знать их грядущим поколениям? Я думаю, да!

К пониманию значения хлеба в мирные дни нельзя прийти, не зная о хлебе войны. Люди должны знать, что испытал наш народ в дни лихолетья, что несет с собой война.

Когда ветеранов войны, людей, испытавших в жизни, наверное, все, просят рассказать о хлебе войны, их лица мрачнеют. Вслушайтесь в их слова: «Самые страшные воспоминания - горящий на корню хлеб, валы огня на полях. Первый удар во все времена вероломный враг почти всегда наносит по хлебу. Фашисты не случайно напали на нашу Родину в сорок первом в конце июня. Вспоминаю лица наших крестьян, особенно женские. «Как быть с хлебом? Как жить без хлеба?» – говорили они.

Сегодня на уроке мы будем работать с отрывком из романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». Несмотря на то, что роман о войне, я выбрала отрывок, посвященный описанию хлебного поля. И увидим мы это поле глазами молоденьких солдат из запасного полка. Глазами солдат, которые еще вчера были в большинстве своем простыми деревенскими парнями, работавшими на земле. А сегодня они – обессиленные, физически

ослабленные и морально опустившиеся, никому не нужные, медленно умирающие.

Тему урока я обозначила следующим образом: «Изобразительные возможности нелитературной лексики». Попробуем прикоснуться к «словесной ткани» художественного произведения, найти путь к постижению авторского мастерства посредством анализа нелитературной лексики взятого нами отрывка».

#### **4. Выразительное чтение текста учениками (см. Приложение № 4)**

#### **5. Выявление первичного художественного восприятия.**

– Вы прослушали текст. Какую картину рисует ваше воображение?

#### **6. Блиц-опрос.**

– Давайте ответим на вопросы, без которых невозможны целостное восприятие текста и работа над ним. Проведем своеобразный блиц-опрос.

1) Какова тема данного текста? (Умирающее хлебное поле.)

2) Назовите идею отрывка. (Губительность разрыва человека с землей.)

3) Стил ь текста. (Художественный, так как автором создаются образы посредством широкого использования изобразительно–выразительных средств языка)

4) Перечислите основные изобразительно-выразительные средства, использованные в тексте. (Тропы: эпитеты – бисерные, негасимые огонечки, сниклые хлебные волны; сравнения – комбайны с «допотопными животными»; метафоры – «из белой мякоти выпутывалось заспанное солнце», «волнами перекатывалось бесконечное желтое поле»; олицетворения – покинуто стоящие комбайны, поле сопротивлялось, ждало. Стилистические средства изобразительности (фигуры речи): градация, синтаксический параллелизм, лексический повтор.

5) Тип текста. (Описание. Изображается хлебное поле.)

### 7. Лексическая работа.

– Ребята, в 10–м классе вы уже изучали тему: «Нелитературная лексика», давайте вспомним определение этого понятия? (Нелитературная лексика – это лексика, не нормированная в литературном языке. Включает в себя диалектизмы, жаргонизмы, просторечия, неправильные и выдуманные слова, т.е. авторские неологизмы).

– Итак, задание в тетрадях. Начертите три столбика: Диалектизмы, просторечия, жаргонизмы. Выпишите примеры из текста. (Устное объяснение значений нелитературных слов)

<u>ДИАЛЕКТИЗМЫ</u>	<u>ПРОСТОРЕЧИЯ</u>	<u>ЖАРГОНИЗМЫ</u>
<u>Пригляд</u>	<u>Сольсь</u>	<u>Шебутная</u>
<u>Колок</u>	<u>Небышко</u>	<u>Выродок</u>
<u>Кошенина</u>	<u>Жизневоскресение</u>	<u>Захиреть</u>
<u>Проплешины</u>		<u>Аховая</u>
		<u>Вояка</u>

– Найдите и запишите современные синонимичные эквиваленты астафьевским выражениям: «мимоходный пригляд», «завязившиеся в снегу комбайны», «полегли вразнохлест». (Работа в тетрадях.)

– Хочу обратить ваше внимание на два интересных слова: «сниклый» и «усопший». Подберите синонимы к ним и посмотрите, возможна ли замена данных слов на какой–либо из их синонимов именно в этом тексте. Свою точку зрения аргументируйте. (Устная работа.)

### 8. Подведение итогов.

Ну, что ж. Подведем итог нашей работы. Я напомню, что мы исследовали нелитературную лексику на примере отрывка из романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». Как же вы думаете, какова роль стилистически сниженной лексики в этом отрывке? (Для создания художественных образов, эмоционально–эстетического воздействия на читателя. И служат выражению

основной идеи – утверждению губительности разрыва человека с землей, к которому привела война.)

### **9. Задание на дом.**

Написать сочинение–рецензию по отрывку из романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты».

### **10. Выставление оценок.**

### **11. Рефлексия.**

Итак, во 2–ой главе мы исследовали нелитературную лексику и ее роль в романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева. Проанализировав собранный нами языковой материал, мы пришли к выводу, что пласт нелитературной лексики является значимым при создании портретных и речевых характеристик героев.

1. Диалектизмы указывают на «происхождение» героев (преимущественно коренные жители деревень и сельских местностей).
2. Просторечия передают колорит речи персонажей, характерный для малообразованных людей, «оживляют» художественный текст.
3. Жаргонная лексика, употребление оценочных слов придает повествованию живость, эмоциональность, образность и отражает страшный быт войны.
4. Фразеологизмы, включающие в свой состав нелитературную лексику, придают речи непринужденный и разговорно–просторечный стиль.

Чтобы доказать обоснованность употребления нелитературной лексики в романе «Прокляты и убиты», мы произвели замену нелитературных единиц

на литературные в одном из диалогов романа. В процессе замены диалог потерял свою динамичность, эмоциональность, импульсивность, характерность и естественность.

В связи с этим, мы можем сделать вывод, что в романе «Прокляты и убиты» автор использует нелитературную лексику (диалектизмы, просторечия, жаргонизмы) для того, чтобы создать ощущение непринужденной, живой, выразительной речи, для характеристики социального положения каждого из героев, а также для более точного описания портретов и образов.

В дипломной работе мы ставили перед собой цель: исследовать нелитературную лексику и ее функции в романе "Прокляты и убиты" В.П. Астафьева. При этом мы пытались ответить на вопросы, каким образом при помощи нелитературной лексики писатель проявляет индивидуальный стиль и экспрессивность, и является ли обоснованным употребление стилистически сниженной лексики в романе.

Мы согласны с мнениями Ларисы Николаевны Падериной, Валентина Яковлевича Курбатова, Людмилы Григорьевны Самотик, Бориса Яхиевича Шарифуллина, Ольги Николаевны Емельяновой и других лингвистов о том, что творчество В.П. Астафьева глубоко национально и народно. Оно характеризуется удивительным органичным сочетанием оригинальных, присущих только астафьевской манере слов и выражений с меткими, остроумными устойчивыми сочетаниями, диалектизмами, просторечиями и жаргонами.

На основе изученной литературы, мы определили функции диалектизмов романа «Прокляты и убиты»: моделирующая, характерологическая, номинативная, эмотивная, кульминативная.

Основной из качеств нелитературной лексики является экспрессия. Она достигается путем использования таких явлений, как энантиосемия («*Хаар-рош! Ох, хар-рош! Ни ума, ни заклику, как говорится!* [1: 552]» Слово «хорош» приобретает здесь неодобрительный смысл) и экспрессивность глаголов, в чей состав входят нелитературные элементы («*привертывать на огонек*» (привертывать – прост. Заходить, заезжать по пути, по дороге [37: 893]); «*блажить на всю реку*» [1: 57] (*блажить* – (прост.) поступать своевольно, дурить [37:265])).

Мы доказали, что нелитературная лексика является значимой при создании портретных характеристик. Следует отметить, что автор использует сниженную по стилистической окраске лексику для создания образов командиров, но избегает этих слов при характеристике новобранцев:

«сваливала на грузную тушу командира роты» и «ребятишкам-новобранцам».

Сильнейшим характерологическим средством является речь героев.

Органично вошедшее в язык прозы Виктора Петровича Астафьева диалектное слово обслуживает две важнейшие составляющие жизни людей: принадлежность к определенной местности и принципиальную территориальную разомкнутость; образ жизни, по преимуществу трудовой, с соответствующими названиями предметов быта, орудий труда, природных явлений.

Диалектизмы делятся на несколько групп:

Фонетические диалектизмы – употребление ш (ш:) вместо щ (щ:'): «ешио», «ишио», «женщинам».

Этнографические диалектизмы помогают более точно воспроизвести быт военных, быт деревни, придают описаниям местный колорит: (**драчёна** или **драчона** – тертый картофель, зажаренный с маслом [49]); «тащат-везут две маленькие фигурки **лагуху** с водой» [1: 353] (**лагуха** – **лагушок** – небольшой сосуд для хранения жидкости, маленький бочонок с отверстием в дне, затыкаемым «затычкой» [49]).

Лексические диалектизмы служат для речевой характеристики рассказчика, придают его речи разговорный характер и эмоциональность. Встречаются диалектизмы различных групп:

1. собственно лексические диалектизмы: («сидит на **кукорках**» [1: 174] (на корточках, на четвереньках – Алт. Сиб. [46: 145]); «попрыгивали **подчембаренные**, как в Сибири говорят, стало быть, в длинные штаны под юбками сряженные, девчата» [1: 231]); «кошенина» – косьба; «згальник» – насмешник.

2. лексико–фонетические диалектизмы: «така» –так; «пасиб» – спасибо; «иль» –или; «Расейская» – Российская; «ребятушки» – ребята; «ломат» – ломает.

3. лексико–словообразовательные: «завсегда» – всегда, «откуль» – откуда; «пущай» – пускай; «важнецкие» – важные.

Жаргонная лексика, употребление оценочных слов придает повествованию живость, эмоциональность, образность, отражает страшный быт войны: «*надеясь, что все время такая лафа и будет ему*» [1: 219] (лафа – что-л. удачное, хорошее; беззаботная жизнь, отдых, удовольствие [16: 319]); «*ну погодите, шакалы, погодите*» [1: 159] (шакал – нехороший человек (часто трусливый, подлый) [16: 423]). Также мы выделили группу армейских жаргонизмов: (**пехтура** –пехота); «*каптерка ротного старшины Шпатора*» [1: 22] (**каптерка** – хозяйственное помещение в казарме); «**нижненарники**», «**сонарники**» – изгой ; «**жолдас**» – лучший друг, но у В. П. Астафьева это словом иронически называют командиров.

Использование фразеологизмов с элементами нелитературной лексики уместно и естественно в романе «Прокляты и убиты» – они воспринимаются как элементы простого, непринуждённого и разговорно–просторечного стиля: «*тут вам не у мамки на печи*» [1: 23] (**мамка** – прост. то же, что и мать) [35: 964], «*черт бы тебя побрал*» [1: 87] (черт – жарг. в данном контексте употребляется как междометие) [16: 535].

Просторечия передают колорит речи персонажей, «оживляют» художественный текст: «*его тетешкали, щекотали*» [1: 123] (**тетешкать** – прост. нянчить, забавлять маленького ребёнка, качая, подбрасывая его на руках [36: 894]); «*лупила меня, когда и поленом*» [1: 192] (**лупить** –прост. сильно бить, колотить кого-либо или что-либо [36: 567]).

В романе Астафьева В. П. используются стилистически сниженные языковые единицы, причем разной степени сниженности–разговорные,

просторечные, грубо–просторечные, жаргонизмы и диалектизмы для того, чтобы создать художественную модель мира со своим пространством и временем, со своими героями и своим языком. Через грубую форму изложения автор говорит о тонком и сложном содержании.

Исследовательская работа имеет практическую значимость. Составлены и применены на практике два плана–конспекта уроков по русскому языку, где показаны возможности использования художественного текста «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева при изучении нелитературной лексики в 10 – 11–х классах.

**Список используемой литературы:**

1. Астафьев В. П. Прокляты и убиты: Роман. – М.: Эксмо, 2005. – 770 С.
2. Астафьев В. П. Сквозь время и годы//Военные страницы: повести и рассказы. – М.: Мол.гвардия, 1986. – 5 С.
3. Барлас Л. Т. Русский язык. Стилистика. – М.: Просвещение, 1978. – 256 С.
4. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 году// Отечественные записки, – 1844, т. 22,– № 1.– С. 1 – 42.
5. Бобкова Ю. Г. Живое слово народной речи в художественном стиле В. П. Астафьева// I Астафьевские чтения: (17-18 мая 2002 г.), <http://www.booksite.ru/fulltext/ast/afi/evs/kie/1.htm>
6. Большакова А. Далекая и близкая сказка: Образ детства в творчестве Виктора Астафьева. – Дет. лит. – 2000.– №4. – С. 4 – 8.
7. Бродский И. А. Поклониться тени: Эссе. – СПб: Азбука–классика, 2006. – 47 С.
8. Вахитова Т. М. Народ на войне: взгляд В. Астафьева из середины 90-х.: роман "Прокляты и убиты": Рус. лит, 1995 . – № 3. – С. 114 – 129.
9. Виноградов В. В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы// Вопросы языкознания.– М.: Академия наук СССР, 1955.– №4 – 3 С.
10. Горелов И.Н. Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития //Вопросы языкознания. – М.: 1986.– № 4 – С. 86–96.
11. Горький М. Н. О языке// Собрание сочинений. – <http://www.litres.ru/maksim-gorkiy/o-yazyke/> – 6 С.

12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.— М.: Русский язык, 1998. — 779 С.
13. Дедков И. Объявление вины и назначение казни: о романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Дружба народов. — М., 1993. — № 10. — С. 185 — 202.
14. Жукова М. Ю. Диалектная лексика в художественном произведении: (на материале автобиограф. цикла В.Астафьева "Последний поклон. — Л., 1990. — 18 с.
15. Емельянова О.Н. Пословицы, поговорки, присловия в прозе Виктора Астафьева // Творчество В.П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты: материалы науч.-метод. конф. — Красноярск, 1998. — С. 56 — 59.
16. Елистратов В. С. Словарь русского арго. — М.: Русские словари, 2000. — 694 С.
17. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. — М.: Астрель, 2006. — 1148 С.
18. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М.: Ладомир, 1997. — 352 С.
19. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. — 156 С.
20. Жильцова Т. П., Петроченко Т. В. Проза В.П. Астафьева как дидактический материал на занятиях по русскому языку//Язык — духовное наследие народа. — Красноярск, 2012. — С. 316 — 321.
21. Залыгин С. Повести Виктора Астафьева: Предисловие. — М.: Сов. Россия, 1977. — С. 3 — 6.

22. Золотусский И. П. Убиты и воскрешены: Заметки о романе Виктора Астафьева "Прокляты и убиты" // Лит. газ., 1995.– №12. – С. 2–5.
23. Калинин А. В. Лексика русского языка: учеб. пособие 2–е изд., М.: Флинта, 2013. – 320 С.
24. Карамзин В. Наш хлеб: Документальное повествование о хлебе. – М.: Правда, 1986.
25. Комарова Е. В. Фразеология прозы В. Астафьева, Ю. Бондарева, В. Гроссмана (сопоставительный аспект). – М., 1992 . – 16 С.
26. Кожина М. Н. Стилистика русского языка – М.: Просвещение, 1977. – 223 С.
27. Курбатов В. Я. Астафьев В.П. Ода русскому огороду: Повести. – М., 1984. – 164 С.
28. Курбатов В. Я. Книга одной жизни, 1979. – 5 С.
29. Курбатов В. Я. Миг на вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1983. – 150 С.
30. Курбатов В. Я. Последняя победа: Слово о Викторе Астафьеве на вручении премии А.И. Солженицына// [www.stm.ru/archive/951/](http://www.stm.ru/archive/951/)
31. Ланщиков А. П. Виктор Астафьев: Право на искренность. – М.: Сов. Россия, 1975. – 96 С.
32. Лейдерман Н.Л. Крик сердца: Творческий облик Виктора Астафьева. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2001. – 3 С.
33. Лузгина Т. А. Экспрессивность глагольного слова в произведениях В. П. Астафьева// Творчество В. П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты: материалы науч.– метод. конф. – Красноярск, 1998. – С. 62 – 64.

34. Макаров А. Н. Литературно-критические работы. – М.: Художественная литература, 1982. – 454 С.
35. Овчаренко А. И. Герой и автор в творчестве В. П. Астафьева// Литературная критика, М.: 1986.– № 4.– С. 184 – 195.
36. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1989. – 750 С.
37. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 2006. – 7848 С.
38. Падерина Л. Н., Самотик Л. Г. Словарь внелитературной лексики в «Царь–рыбе» В.П. Астафьева. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. Ун–т, 2008. – 576 С.
39. Подюков И. А. Эстетика народной речи в поэтике В.П. Астафьева// I Астафьевские чтения: (17-18 мая 2002 г.), 2003. – №1 – С. 7 –14.
40. Поль Д. В. Война в произведениях М.А. Шолохова и В.П. Астафьева . – Литература в школе, 2005. – № 2. – С. 14 – 18.
41. Поревалова О. В. Экзистенциальные проблемы в творчестве В. П. Астафьева // I Астафьевские чтения: (28-29 апреля 2004 г.), 2005. – №1– С. 184 – 191.
42. Раззаков Ф. Б. Как уходили кумиры: Последние дни и часы народных любимцев. – М., 2005. – 18 С.
43. Рудалев А. Оправдание человека (по роману Виктора Астафьева "Прокляты и убиты"). – День и ночь, 2005. – N3/4.
44. Самотик Л. Г. Народность языка В. П. Астафьева //Творчество В.П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты: материалы науч. – Красноярск, 1998. – С. 46 – 56.

45. Самотик Л. Г. Слово русское, простое //Енисей. – Красноярск, 1995. – № 1. – С. 77 – 89.
46. Селезнев Ю. Мысль чувствующая и живая. – М.,1982.– 277 С.
47. Серова З. Н. Периферийная лексика и ее художественно–стилистическая нагрузка в романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева//[http://kazgik.ru/kcontent/main/conference\\_competition/electronic\\_conferences/materiali\\_2015\\_05/4/4\\_8.pdf](http://kazgik.ru/kcontent/main/conference_competition/electronic_conferences/materiali_2015_05/4/4_8.pdf)
48. Скородумова Я. А. Функции диалектной лексики в автобиографической прозе В. П. Астафьева. – Молодой ученый, 2014. – №18. – С. 823 – 824.
49. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. / под общ. ред. О. В. Фельде. Красноярск, – 2003 – 2012.
50. Смолин А. П. В потоке времени: писатель Виктор Астафьев в литературной Вологде 1970-х гг. // Вологод. затеси Виктора Астафьева: материалы к творч. биогр. Писателя. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 6 – 76.
51. Солженицын А. И. Виктор Астафьев. Из «Литературной коллекции», 2005// Российская газета, 2009. –1 С.
52. Старикова Е. Н. Стиль книги «Последний поклон»: Память. – Новый мир, 1979. – № 1.
53. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Издательство АСТ, 2000. – 848 С.
54. Шапилова Н. И. Экспрессивно – предельная лексика в художественной речи В. П. Астафьева. Филологический сборник. – Кемерово, 2002.

55. Шарифуллин Б. Я. Экспрессивные явления в прозе В.П.Астафьева//Творчество В.П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты: материалы науч.–метод. конф. – Красноярск, 1998. – С.59 – 62.
56. Шарыпов А. Царь–рыба: Заметки о новом произведении В. Астафьева // Огни Енисея. – 1976. – 2 С.
57. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций: Язык и эмоции// Сб. науч. тр. ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1995. – 252 С.
58. Шаховский В. И. Что такое лингвистика эмоций// [http://tverlingua.ru/archive/012/3\\_shakhovsky.pdf](http://tverlingua.ru/archive/012/3_shakhovsky.pdf)
59. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60 – 90 – х годов). – М.: Метатекст, 1997. – 304 С.
60. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: Очерк творчества. – М.: Сов. писатель, 1982. – 272 С.

## Приложение № 1

### Словарь диалектных и просторечных слов

(роман В.Астафьева «Прокляты и убиты» 1 ч.)

По словарю Ожегова С. И., Шведовой Н. Ю. Толковый словарь русского языка.

**Балабол** – (разг.). Человек, любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля.

**Бус** - чичер, орл.,ситник, морось, мжица самый мелкий дождь при ненастье; мокрый ниспадающий туман, безветрие; самый мелкий снежок, крупа, заспа, снежная морось.

**Брыкаться** – (прост.). Активно сопротивляться, упрямиться.

**Дока** - (прост.). Знаток, мастер своего дела; ловкач. Такого доку поискать. Большой д. в законах (по части законов).

**Дорваться** – (прост.). 1. С жадностью наброситься на что-н. Д. до еды. 2. Доиграться, допрыгаться.

**Затесаться** – (прост.). Проникнуть, затереться (в какую-н. группу людей).

**Иль** - союз и частица (устар. и разг.)

**Кислина** - (разг.). Слабый привкус кислоты. К. в квасе. Яблоко с кислинкой.

**Крошево** – (прост.). То, что крошено, искрошено, а также пища с кусочками (из кусочков) чего-н. крошенного. К. дробленого льда. К. из хлеба с квасом.

**Курево** – (прост.). Табак, а также вообще то, что можно курить.

**Кухты** – сиб. косматый иней на деревьях, куржевина, опока.

**Морока** – (прост.). Нечто путаное, непонятное, в чем трудно разобраться.

С этим делом - одна м.

**Наволочь** - (прост.) То же, что натащить.

**Нары** – нар, нарам. Дощатый настил для спанья на нек-ром возвышении от пола.

**Обмозговать** – (прост.). То же, что обдумать.

**Оплеуха** – (прост.). То же, что пощечина.

**Папуха, папуша, папушка** – (обл.) связка сухих широких листьев (табачных).

**Подковырка** – (разг.). Язвительное, насмешливое замечание. С подковыркой говорить.

**Приневолить** – (разг.). Принуждать, заставлять делать что-н.

**Реготать** – разг. Громко хохотать; гоготать.

**Сидор** – (прост.). Солдатский вещевой мешок.

**Стращать** – (прост.). То же, что пугать.

## Приложение № 2

В первом отрывке:

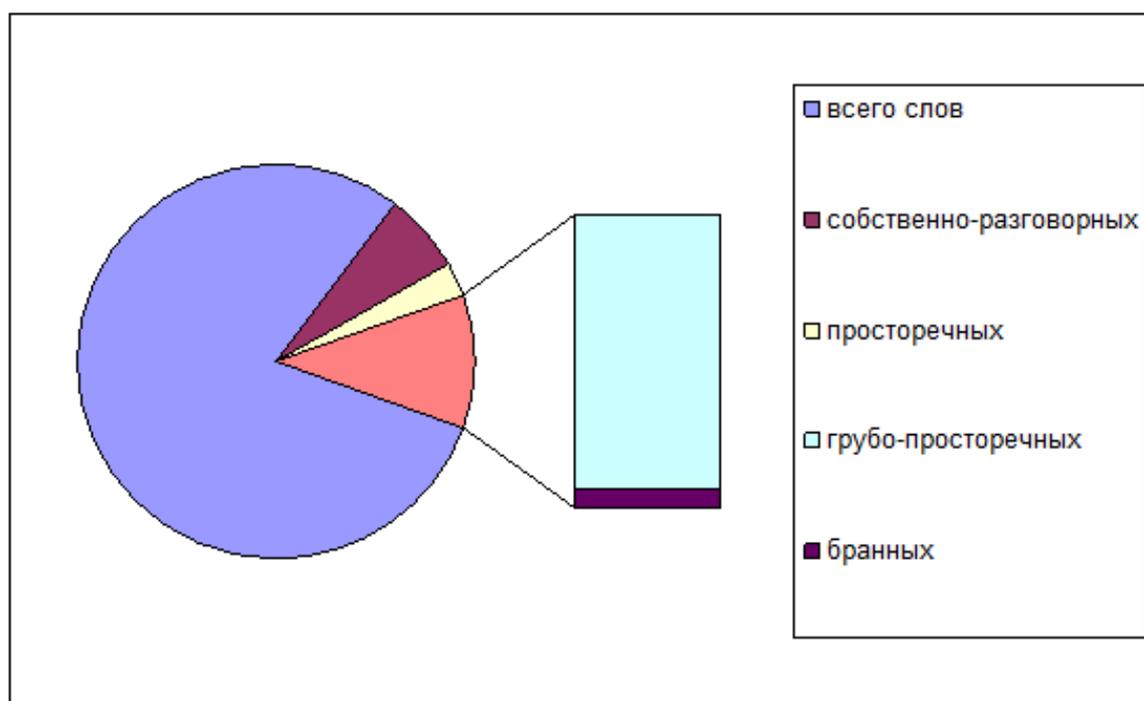
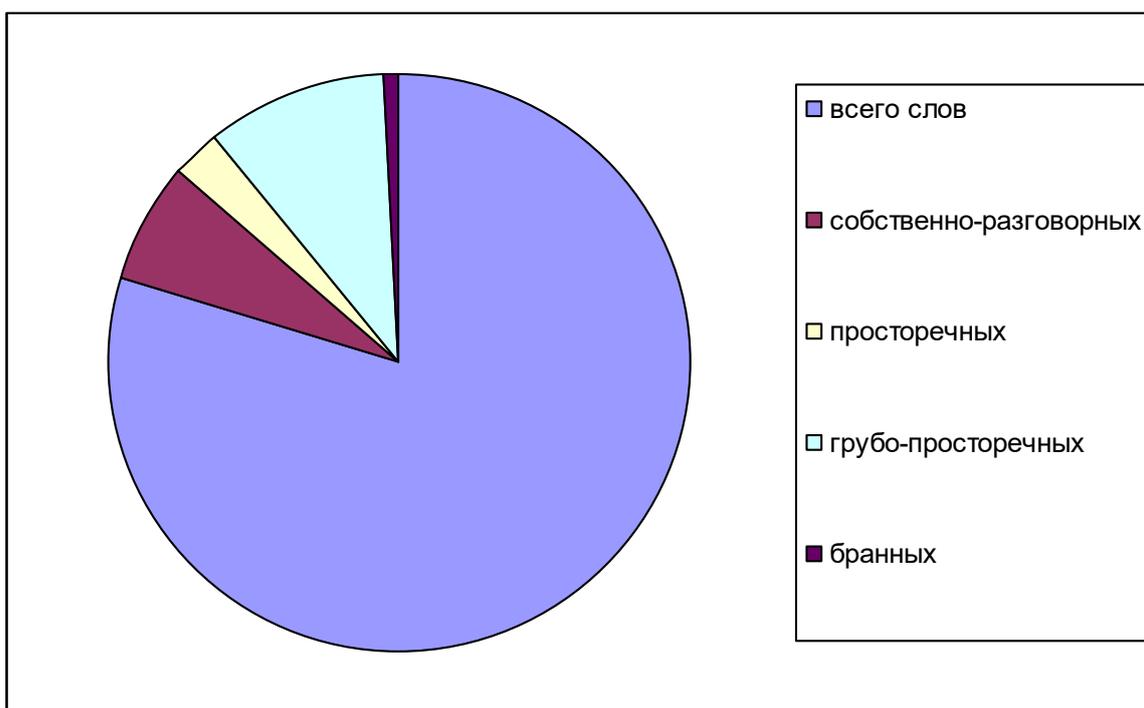
всего слов 568

собственно-разговорных - 48

просторечных- 18

грубо-просторечных - 73

бранных - 5 слов



### Приложение № 3

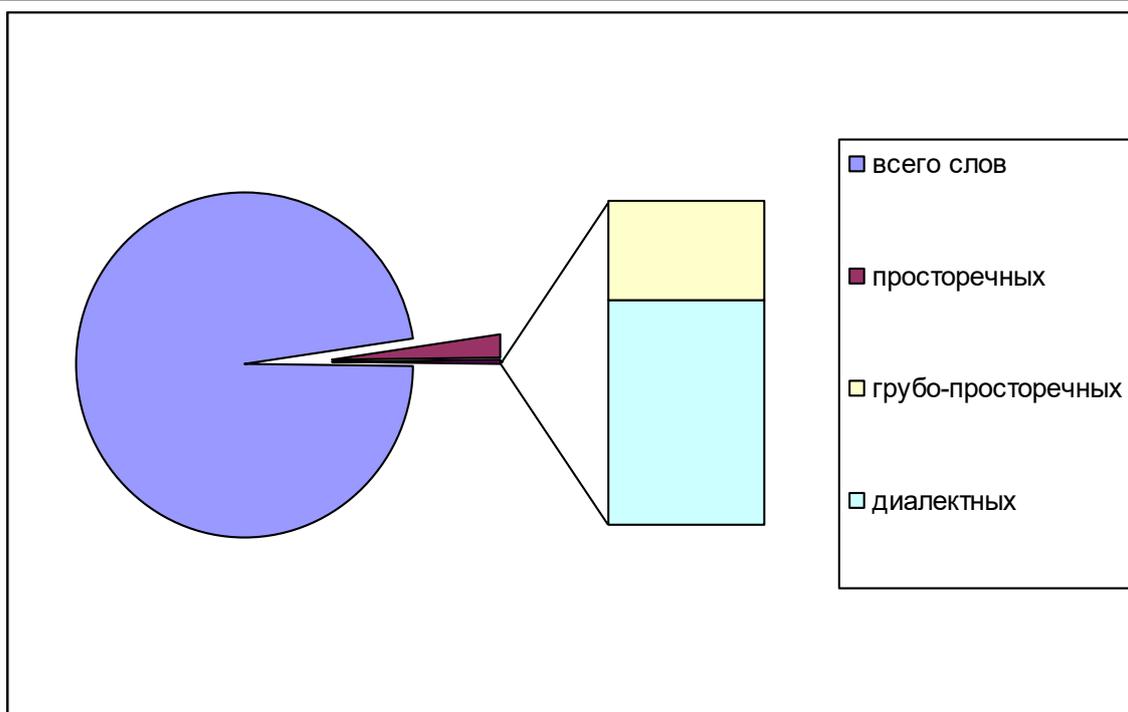
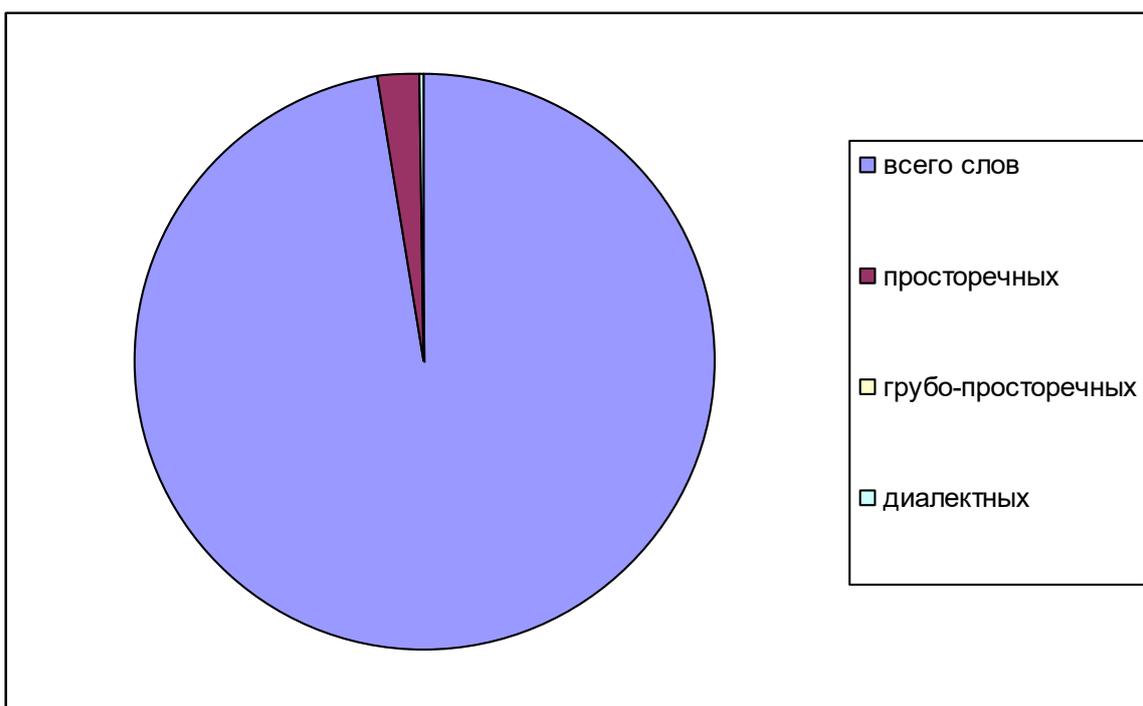
Во втором отрывке:

всего - 4058 слов

просторечных - 88

грубо-просторечных - 5

диалектных - 11



### Приложение № 3

#### Отрывок из главы 13, первой части «Чертова яма», романа «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева.

«Вблизи степь не выглядела так сказочно красиво, как с первого, мимоходного пригляда. Да, там, возле мглистого березового колка, где из белой мякоти выпутывалось заспанное солнце, золотело, пробужденно отливало, сверкало под солнцем, волнами перекатывалось бесконечное желтое поле. Но возле покинуто стоящих комбайнов, завязившихся в снегу, в смятой кошенине, все было в лишайных проплешинах, все прибито, разворошено, от всего веяло тленом, и комбайны походили на допотопных животных, которые брели, брели по сниклым хлебным волнам, но нет нигде берегов, нет на земле никакой пристани, никуда им не добрести, и остановились они, удрученно опустив хоботы.

Хлебное поле, недокошенное, недоубранное, долго сопротивлялось ветру и холоду, ждало своего сеятеля и пахаря до снегов. Ветер делался все пронзительней, все злее, безжалостно трепал он нескошенные стебли с поникшими колосьями, и завейало занозистой остью в воздухе, серой пылью покрыло пашенное пространство, заструилось из колосьев зерно на стылую землю. Однажды налетел вихрь с дождем, со снегом, доделал гибельную работу, опустошил хлебные колосья, покрыл подножья стеблей мокрым снегом, захоронил под ними плотно слипшееся зерно, растрепал, пригнул, спутал меж собой облегченные стебли. Соломинки, что посуше, хрупко сломались, что погибче, полегли возле дороги вразнохлест, каждая сломанная трубочка стебля, налитая дождем, держала в узеньком отверстии застывшую каплю, и словно бы тлели день и ночь поминальные свечки над усопшим хлебным полем, уже отплакавшим слезами зерен. Бисерные, негасимые огонечки, сольясь вместе, сияли тихим, Божьим светом из края в край, и

совсем почти неслышный стеклянный шелест, невнятный звон землеумирания звучал над полем прощальным молитвенным стоном.

О, поле, поле, хлебное поле, самое дивное творение человеческих рук! Тысячи, может быть, миллионы лет прошло, прежде чем нашла себе щелку на берегу моря-океана, комочек остывшей лавы меж скал и пронзила его корешком живая травинка на планете, все еще с высот сорящей пеплом, охваченной огнем и дымом на грозно опаленных вершинах.

И еще много, много лет и зим минуло, покуда вырастила травинка в пазушке стебелька махонькое зернышко, а из него возникло невиданное творение природы: хлебный, рисовый, маисовый колосок или кукурузный початок. Будут еще и еще произрастать под солнцем плоды земные, и кусты бобов, и клубни картофеля, и кисточки проса, и хлебное дерево, и всякие другие чудеса, но колосок, сам по себе являющий такую красоту, такое совершенство природы, матери-земле удалось сотворить только раз. Извергнувшись огнем и смерчем, приуготовливаясь к жизни, природа должна была сотворить чудо, и она сотворила его, выполнив предназначение судьбы, веление Бога, для жизни на земле. Будет еще и пламень, ее изжигающий, и лед, ее сковывающий, и смерч, ее разметающий. Но снова и снова воскресало на ней не смытое морской волной, диким камнем не раздавленное, холодом не умертвленное зернышко. Цеплялось корешком за сушу, исторгалось оно долгожданным колоском, чтобы кормить тех, кто возникнет на земле и прозреет для жизни. Пшеница та была невзрачная на вид и звалась полбой.<...>

И восстанет перед двуногим существом маленькое поле колосьев. И с того околышка-пашни начнет совершаться по планете под названием Земля победное шествие пшеничного, просяного, ржаного, рисового семечка и многих-многих растений, не дошедших до нас из утренних времен Земли. Организуясь в хлебное поле, прорастающее зернами ржи, овса, ячменя, риса, кукурузы, гречки, неряшливо-хламная, где болотистая, где огнем оплавленная планета начнет приобретать обжитой, домашний вид, росточком прикрепит

человека к земле, а каждый год спелыми хлебами шумящая пашня наградит его непобедимой любовью к хлебному полю, ко всякому земному растению, ко всякой живой душе. Пробудит в нем потребность перенять из природы звуки, превратить их в музыку, зачерпнуть краски земные и небесные и перенести на доску, на камень, выткать узоры на холсте — так создавалась душа человеческая.

Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя.

Век за веком, склонившись над землей, хлебороб вел свою борозду, думал свою думу о земле, о Боге, тем временем воспрянул на земле стыда не знающий дармоед, рядясь в рыцарские доспехи, в религиозные сутаны, в мундиры гвардейцев, прикрываясь то крестом, то дьявольским знаком, дармоед ловчился отнять у крестьянина главное его достояние — хлеб. Какую наглость, какое бесстыдство надо иметь, чтобы отрывать крестьянина от плуга, плевать в руку, дающую хлеб. Крестьянам сказать бы: «Хочешь хлеба — иди и сей», да замутился их разум, осатанели и они, уйдя вослед за галифастыми пьяными комиссарами от земли в расхристанные банды, к веселой, шепутной жизни, присоединились ко всеобщему равноправному хору бездельников, орущих о мировом пролетарском равенстве и счастье.

Выродок из выродков, вылупившийся из семьи чужеродных шляпников и царубийц, до второго распятия Бога и детоубийства дошедший, будучи наказан Господом за тяжкие грехи бесплодием, мстя за это всему миру, принес бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого добродушного народа, оставив за собой тучи болтливых лодырей, не понимающих, что такое труд, что за ценность каждая человеческая жизнь, что за бесценное создание хлебное поле.

Какой же излом, какое уродство, какие извращения, какие чудовищные изменения произошли в человеческом сознании, когда пахарь и сеятель начал терять уважение к хлебному полю, перестал ему молиться, почитать его, дошел до того, что начал предавать его огню, той самой силе, которая до него не раз уже разрывала и испепеляла земную плоть.

Начавши завоевательный поход, степняки-кочевники, дикие и полудикие племена, пускали впереди себя пал, двигались, укрытые дымными тучами, вослед ревущему, все пожирающему огню.<...>

Тот, кто не бывал в огне, не бежал от огня, пожирающего хлеб, настоящего страха не знал.

Над полем выгорает воздух, удушливым смрадом исходит чадающий хлеб. Зерно накаляется, могучая плоть струит сине-сизый дым, прежде чем взорваться и затмить огнем и смрадом все вокруг. Рвет кашлем грудь пораженного ужасом человека, слезятся его глаза, останавливается удушенное дыхание — то силы небесные карают чадо Божье за самый тяжкий грех: предание огню и гибели хлеба насущного.<...>

Осиповское хлебное поле, разоренное, убитое, — как оно похоже сейчас на смутой охваченную отчизну свою, захиревшую от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не выростивших ни идейного, ни хлебного зерна, потому как на крови, на слезах ничего не растет — хлебу нужны незапятнанные руки, любовно ухоженная земля, чистый снег, чистый дождь, чистая Божья молитва, даже слеза чистая.

Хлебное поле едино в своем бедствии и величии, оно земной бороздой соединено со всеми полями Земли, и воспрянет, воспрянет, засияет хлебное поле на западе и на востоке, и в искитимской стороне, на сибирском приволье воспрянет. Земле-страдалице не привыкать закрывать зелеными и деревьями гари, раны, воронки — война временна, поле вечно, и во вражьем стане, на чужой стороне оно отпразднует весну нежными всходами хлебов, после огня и разрухи озарится земля солнечным светом спелого поля, зазвучит музыкой зрелого колоса, зазвенит золотым зерном. И пока есть хлебное поле, пока зреют на нем колосья — жив человек и да воскреснет человеческая душа, распаханная Богом для посевов добра, для созревания зерен созидательного разума.

И осиповское поле воскреснет. Сеятель, вернувшись к нему из огня войны, воспрянет для труда и проклянет тех, кто хотел приручить его с помощью оружия да словесного блуда отнимать хлеб у ближнего брата своего. И когда нажует жница по имени Анна или Валерия в тряпочку мякиша из свежемолотого хлеба, сунет его в розовый зев дитя, и, надавив его ребристым небышком, ребенок почувствует хлебную сладость, и пронзит его тело живительным соком, и каждая кровинка наполнится могущественной силой жизневоскресения — тогда вот только и кончится война.

Комбайны были откопаны из снега, под ними горел огонь, и в где-то отысканных комбинезонах на брошенных старых телогрейках под комбайнами лежали, подвинчивали гайки, стучали по болтам, натягивали шкивы и широкие ремни Вася Шевелев и Костя Уваров. С детства лепившиеся рядом с отцами на тракторных и комбайновых сиденьях, в школьные еще годы обучившиеся нелегкому машинному делу, привыкшие чинить и вдохновлять на непосильный труд аховую колхозную технику, парни вдыхали жизнь в остывшие железные груди машин, и, кроме них, никто не верил, что этакое может сотвориться, что поседелые от пыли и снега, унылые машины могут согреться и начать работать.

Комбайны должны были использоваться как молотилки: две скирды скошенного хлеба, задавленные толстым слоем снега, уже раскопали и растеребили веселые вояки с не менее веселыми девчатами.»